

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RGGU BULLETIN

№ 8/07

Scientific monthly

Linguistic Series /
Moscow Journal of Linguistic
№ 9/2

Moscow 2007

ВЕСТНИК РГГУ

№ 8/07

Ежемесячный журнал

Серия «Языкознание»
Московский лингвистический журнал
№ 9/2

Москва 2007

УДК
ББК 81.0

Главный редактор
Е.И.Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г.Власов

Главный художник
В.В.Сурков

Серия
Языкознание / «Московский лингвистический журнал»

Редакционная коллегия:

С. И. Гиндин (главный редактор)
А. В. Дыбо
Г. Е. Крейдлин
М. А. Кронгауз
Е. В. Муравенко
В. И. Подлесская
З. М. Шаляпина

© Коллектив авторов
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2006

Содержание

С. И. Гиндин Серия «Языкознание» Вестника РГГУ – новое издание с почтенной биографией	9
Теоретические и описательные исследования	
В. В. Глебкин Критика семантического разума	10
В. А. Богушевская (Владивосток) К вопросу о семантике цветоименований китайского языка, восходящих к тематической группе «фауна»	41
Ю.Е. Галямина, О.А. Казакевич, Е.Л. Рудницкая, Е.М. Будянская, Д.М. Вахонева О приложимости различных моделей описания языка к реальному языковому материалу (на примере кетского глагола)	50
Э. А. Флоренская Степень слитности частей как общее основание единой классификации сложных предложений	65
Г. Е. Крейдлин, Г. Б. Шабат Теорема как вид текста: I Понятность	102
Прикладные исследования	
Т. Ю. Кобзарева Некоторые свойства линейной структуры именных и предложных групп (Поверхностно-синтаксический анализ русского предложения)	113
Е. Г. Соколова Об использовании семантических отношений для описания изображений	131
Проблемы лингвистического образования	
Е. Г. Устинова О построении курса «Морфология» для специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика». Программа и формы контроля знаний	145
Э. М. Шаляпина Моделирование языка при автоматическом переводе. Программа спецкурса для студентов-лингвистов	168
Отклики. Poleмика	
Т. А. Михайлова Пиктский памятник «30 брude» в свете общих проблем ранней эпиграфики	191

С. Д. Серебряный О восьмой главе ("Lector in Fabula") книги Умберто Эко «The Role of the Reader»	201
--	-----

Лингвистические источники и справочные материалы

С. И. Гиндин, Н. Г. Семенова Материалы к библиографическому указателю печатных работ Н. Н. Леонтьевой	215
---	-----

In memoria

Вспоминая М. С. Киктева <i>П. Башарин, Г. Дурново, Н. Ландо, С. Лахути, А. Аюпова</i>	236
--	-----

Хроника

Л. Н. Петракова, И. В. Сушкова Конференция «Скрытые смыслы в языке и коммуникации»	248
---	-----

Материалы, опубликованные в «Московском лингвисти- ческом журнале» в 1995-2006 гг.	264
---	-----

Summaries	272
-----------	-----

Сведения об авторах	276
---------------------	-----

Table of Contents

S.I. Gindin A new linguistic periodical with time-honoured biography	9
<hr/> Theories and Descriptions <hr/>	
V.V. Glebkin The Critique of Semantic Reason	10
Victoria A. Bogushevskaya On semantics of Chinese colour terms derived from the "fauna" thematic group	41
Julia Galiamina, Olga Kazakevich, Elena Rudnitskaya, Elena Budianskaya, Daria Vakhoneva On application of different language models to real linguistic data (A case study of the Ket verb)	50
Elsa A. Florenskaya The degree of coalescence as general basis for a unified classifica- tion of a composite sentence	65
G.E. Kreidlin, G.B. Shabat Theorem as a text: Comprehensibility	102
<hr/> Applications <hr/>	
Tatiana Yu. Kobzareva Some properties of noun and prepositional phrase structure (Russian sentence surface syntactical analysis)	113
Elena G. Sokolova Semantic relations as an instrument for construction of image description	131
<hr/> Problems of Linguistic Education <hr/>	
Elena G. Ustinova "Morphology" for undergraduate students in linguistics: a sylla- bus and knowledge control means	145
Zoya M. Shaliapina Language modelling for the purposes of machine translation: a syllabus of a special course for undergraduate students in linguistics	168
<hr/> Comments. Polemics <hr/>	
Tatiana A. Mikhailova "30 brute list and the problem of reading inscriptions	191
S. D. Serebryanyj Comments to the eighth chapter ("Lector in Fabula") of U.Eco's "The Role of the Reader"	201

Linguistic Sources & reference materials	
<hr/>	
S.I. Gindin, Natalia G. Semenova	
Publications by Nina N. Leontieva: bibliographical guide draft	215
<hr/>	
In memoria	
<hr/>	
Remembering Maxim Kiktev	
<i>P. Basharin, G. Durnovo, Natalia Lando, Sophia Lakhouti, Asia Aiupova</i>	236
<hr/>	
Chronicle	
<hr/>	
Liudmila N. Petrakova, Irina V. Sushkova	
On the conference, "Hidden senses in language and communication"	248
The contents of the <i>Moscow Journal of Linguistics</i> : 1995 - 2006	264
Summaries	272
Our authors	276

Серия «Языкознание» Вестника РГГУ – новое издание с почтенной биографией

«Вестник Российского государственного гуманитарного университета» как ежемесячный научный журнал родился в конце 2006 г. Вместе с другими его сериями начинает свое существование и серия «Языкознание». Но назвать ее новым периодическим изданием было бы неточно: как показывают серийный номер данного выпуска и параллельное заглавие, серия успела дорасти до своего девятого тома! Действительно, с 1995 г. по 1998 г. факультет теоретической и прикладной лингвистики РГГУ, а с 2001 г. его преемник Институт лингвистики РГГУ, выпускали свое периодическое издание – «Московский лингвистический журнал» (МЛЖ; содержание всех вышедших выпусков помещено в конце данного номера). Серия «Языкознание» становится его преемницей и прямым продолжением.

Действительно, несмотря на свой «общемосковский» статус, МЛЖ всегда был органом РГГУ. Сотрудники РГГУ составляли основной костяк редколлегии и авторского коллектива журнала, публикация осуществлялась университетским издательским центром и на средства университета. Включение МЛЖ в число серий «Вестника РГГУ» лишь закрепляет его действительный статус.

С другой стороны, серия «Языкознание» не мыслится редколлегией как издание узко ведомственного назначения и с замкнутым кругозором. Она должна быть открыта всем достижениям современной лингвистической мысли. И особое, почетное место на ее страницах будет предоставляться тем работам, в которых получают творческое развитие идеи различных школ московской лингвистики – от фортуноватовской через МФШ и Ново-московской школы М.В.Панова до Московской семантической Ю.Д.Апресяна. А главной московской традицией, которую хотела бы подхватить и поддержать серия «Языкознание / Московский лингвистический журнал», пусть будет принцип, завещанный нам «Московским лингвистическим кружком»: интересоваться всем спектром гуманитарных проблем, подходить к их постановке и исследованию с позиций во всеоружии собственно лингвистических знаний и методов.

Сергей Гиндин

Критика семантического разума¹

I. Введение

Прежде всего, следует оговорить проблемное поле и методологические рамки данной статьи. Я никогда не занимался лингвистической семантикой профессионально и мое обращение к используемым в ней методологическим процедурам изначально было вызвано собственными научными интересами, а именно, поисками языка описания базовых категорий русской культуры XVIII-XX вв. Современная культурология с ее крайне размытой методологией не дает здесь каких-либо устойчивых оснований, поэтому их приходится искать в соседних областях. Обращение к опыту семантики выглядит в этом случае тем более естественно, что сами лингвисты совершают дрейф в междисциплинарное поле и переносят разработанный инструментарий на описание таких понятий, как «счастье», «истина», «пошлость», «мещанство» [см., напр.; Логический анализ 1991; Арутюнова 1999, с.543-642; Степанов 2001; Шмелев 2002; Wierzbicka 2002; Зализняк и др. 2005]. Приводимые ниже соображения представляют взгляд на семантику со стороны, «наивный» взгляд, сознательно дистанцирующий от профессионального дискурса. Дело в том, что профессионал обычно уже не обсуждает основания, являющиеся для него системой аксиом, а работает в рамках этих оснований, здесь же ставятся под вопрос сами основания, и хочется надеяться, что попытка взглянуть на них под иным, чем это принято в современной лингвистике, углом зрения окажется полезной и для лингвистов.

В качестве комментария к заглавию имеет смысл напомнить, что разум (*Vernunft*) у Канта задает общие принципы, которые определяют направление работы рассудка (*Verstand*) с понятиями, а также с данными опыта. В статье также речь пойдет о фундаментальных теоретических постулатах, которые, как предполагается, лежат в основании конкретной работы исследователей в области семантики (по Канту, область рассудка) и должны определять базовые установки при описании ими непосредственного эмпирического материала, но в действитель-

ности весьма существенно расходятся с реальной языковой практикой, превращаясь для нее в своеобразное «прокрустово ложе». Характерным проявлением отсутствия в современной семантике адекватных эмпирическим запросам фундаментальных теорий становится появление значительного числа теорий *ad hoc*, не претендующих на фундаментальность, но при этом более или менее успешно обслуживающих практические нужды исследователей в различных областях семантики². Обозначая этот возрастающий со временем разрыв между фундаментальной теорией и непосредственной практической работой можно сказать, что в конкретных исследованиях все заметнее выходит на первый план социокультурная составляющая языка, анализ влияния различных социокультурных факторов на семантическую эволюцию, тогда как фундаментальные теории исходят из представления о языке вообще и конкретных языках в качестве его реализаций как о внесоциальной и внекультурной, замкнутой на себя реальности, аналогичной формальным математическим системам.

Оставляя в стороне позицию Хомского и его последователей, в рамках которой семантика находится на положении Золушки [критику идей Хомского см., напр., в работе: Wierzbicka 1996, p. 6-8, 17-19], мы рассмотрим в дальнейшем две фундаментальные модели, где семантике отводится значительная роль: NSM(natural semantic metalanguage)-концепцию Анны Вежбицкой и модель «Смысл \Leftrightarrow Текст» Мельчука-Апресяна-Жолковского³.

II. Онтологические предпосылки и методологические основания NSM-концепции и модели «Смысл \Leftrightarrow Текст»

Рискну начать с одного «наивного» утверждения. Кажется, не-лингвист не сможет понять, что значит «Олег претендует на этот кусок сыра» или «"Спартак" в этом году претендует на золотые медали» из толкования «*Z претендует на Y*» = «*Z требует, чтобы X предоставил Z-у Y, потому что Z считает, что имеет право получить Y*» [Апресян 1995, с. 109] или осознать, каков смысл выражений «душа болит», «большой души человек», «душа ушла в пятки», прочитав следующее описание:

душа:

- one of two parts of a person
- people can't see this part
- because of this part, people are not like other living things
- because of this part, a person can feel many things when this

- person thinks about something
- because of this part, a person can be a good person
- (because of this part, a person can live with God)
- because of this part, good things can happen inside a person
- other people can't know what happens in this part if this
- person doesn't want them to know it
- it is good if other people can know it
- it is good if a person wants other people to know it [Wierzbicka 2005, p. 273-274]

Кажется, что следовать подобным описаниям при освоении языка – все равно, что учиться плавать по инструкции («примите в воде горизонтальное положение», «поднимите левую руку», «погрузите ее в воду под углом 130-150°», «одновременно совершайте вертикальные движения прямыми ногами» и т.д.).

Обычно на подобную реакцию, в которой я далеко не оригинален, следует ответ: приведенные описания не предназначены для не-лингвистов, они составляют один из элементов лингвистики как строгой науки [ср., напр., замечание о Толково-комбинаторном словаре в Мельчук 1995, с. 5-6]. Об этой научной строгости в дальнейшем и хотелось бы поговорить. Строгая наука в ее классическом понимании должна опираться на непротиворечивую систему методологических принципов, имеющих характер интуитивной очевидности, и предлагать объективную, т.е. независимую от конкретного исследователя, процедуру верификации получаемых результатов, т.е. обладать определенными объективными критериями истинности. Попробуем посмотреть, какие методологические принципы лежат в основании моделей Мельчука-Апресяна-Жолковского и А. Вежбицкой, и какие процедуры верификации сделанных утверждений предлагаются авторами.

«Естественный семантический метаязык» А. Вежбицкой

Разумно, видимо, начать анализ с модели А. Вежбицкой, в которой ответы на поставленные вопросы даны более отчетливо. Основные положения NSM-концепции Вежбицкой (в разработке которой в последнее время заметную роль играет также Кл. Годдард) можно сформулировать следующим образом:

а) В рамках любого языка может быть выделено базовое ядро, состоящее из так называемых «семантических примитивов» – простых, интуитивно ясных слов, не подлежащих определению. Значение каждого слова данного языка может быть выражено в виде определенной конфигурации семантических

примитивов [Wierzbicka 1972, p. 10-16; Wierzbicka 1980, p. 2-33; Wierzbicka 1985, p. 336-338; Wierzbicka 1996, p. 9-12; Goddard 2002, p. 5, 16]⁴.

α₁) На значение слова не влияют значения других слов в лексиконе. Более того, чтобы сравнивать различные слова или описывать эволюцию семантики какого-либо слова, надо сначала определить сравниваемые значения через семантические примитивы⁵.

β) Между базовыми ядрами различных языков можно установить взаимнооднозначное соответствие, т.к. все они выражают базовый набор врожденных ментальных концептов, видимо, характерный для человека как биологического вида и составляющий часть генетического наследия человека. Данным концептам присуща и определенная синтаксическая упорядоченность, что позволяет в отношении них говорить об особом *lingua mentalis* (Wierzbicka 1972, p. 25-26; Wierzbicka 1980, p. 2-33; Wierzbicka 1996, p. 14-15, 17-21, 28-29, 112-113; Goddard 2002, p. 5, 16)

γ) Предложенная модель позволяет сравнивать различные языки между собой, сводя их к общему основанию, показывать семантическое богатство и национальную специфику концептов, трактуемых словарями как языковые эквиваленты (Wierzbicka 1980, p. 40-42; Wierzbicka 1996, p. 15-16; Wierzbicka 2005, p. 258-260).

Изложенный выше подход дает, по мнению авторов, возможность решить ряд значимых для семантики проблем: проблему построения корректного метаязыка описания, проблему «логического круга» в толкованиях [см.: Wierzbicka 1980, p. 11-14; Wierzbicka 1996, p. 48-49, 274-286], – а также наглядно демонстрирует пути преодоления «семантического агностицизма», сформулированного, как часто утверждается, в работах позднего Витгенштейна и его последователей [см.: Wierzbicka 1996, p. 237-257, 335].

Мы начнем обсуждение концепции Вежбицкой с вопроса о процедурах верификации сформулированных в ней утверждений, в частности, с вопроса о критериях проверки истинности приводимых толкований. Кажется, что такой процедурой должны быть либо объективные данные, аналогичные показаниям стрелки прибора в физике, либо (т.к. толкование представляет собой выражение значения слова через врожденные концепты, интуитивно ясные каждому человеку) реакция обычного носителя языка, который интуитивно должен воспринимать толкование Вежбицкой как истинное. Однако в

работах Вежбицкой мы не найдем ни того, ни другого⁶. Следует заметить, что автор NSM-концепции не придает описанию процедур верификации большого значения, но из замечаний, которые встречаются в ее работах, становится понятным, что в качестве критерия истинности толкования выступает сама Вежбицкая и круг людей, профессионально занимающихся лингвистикой, т.е. обычный носитель языка редуцируется до члена профессионального сообщества. В тех редких фрагментах, где ставится вопрос о критерии, Вежбицкая прямо называет интроспекцию главным методологическим основанием для получения результатов. Иногда (например, при обсуждении *folk biological concepts*) она говорит о необходимости проверки результатов опросами информантов, но конкретных алгоритмов такой проверки, которая сама по себе представляет методологически сложную процедуру, ей не предлагается [см.: Wierzbicka 1985, p.212, 332-333].

Однако такая неявно осуществляемая редукция не может быть признана корректной. Безусловно, обладая развитой языковой интуицией, профессиональный лингвист является еще и носителем определенной профессиональной идеологии и его нельзя считать непредвзятым судьей созданной им же теории.

Здесь уместно вспомнить один фрагмент из работы К. Поппера «Предположения и опровержения», который достаточно точно, кажется, характеризует положение дел. Иллюстрируя необходимость проведения демаркационной черты между наукой и псевдонаукой, Поппер пишет о своих юношеских сомнениях в научном статусе марксистской теории истории, психоанализа и индивидуальной психологии А. Адлера. С его точки зрения, научная слабость этих теорий состояла в легкости, с которой они интерпретировали в свою пользу любой новый факт, в их поистине неограниченной объяснительной силе. Так общая теория относительности Эйнштейна делала кажущиеся невероятными предсказания (например, предсказала красное смещение), и Эйнштейн предлагал крайне рискованные для созданной им теории эксперименты, которые в случае отрицательного результата, наносили бы по ней сокрушительный удар. В противоположность этому любые факты в рамках указанных выше теорий с легкостью интерпретировались в их пользу, придавая основаниям этих теорий характер религиозных догматов [см.: Popper 1962, p.33-39 (русский пер.: Поппер 1983, с.240-244)]⁷. Кажется, что с NSM-концепцией дело обстоит именно таким образом. Пока критерием истинности те-

ории, критерием соответствия экспериментальных фактов ее положениям выступает сам автор и его единомышленники, теория обречена на квазирелигиозный статус и ее объективная проверка невозможна [ср. критику идей Вежбицкой в работе: Соловьев 2005, с. 93-95].

Перейдем теперь к вопросу о методологических основаниях теории естественного семантического метаязыка. А. Вежбицкая уделяет заметное внимание историческим истокам, теоретическому и эмпирическому обоснованию своей концепции, но в целом приводимая ей аргументация не снимает, а лишь усиливает высказанные выше сомнения. Исторические и методологические основания идеи семантических примитивов Вежбицкая находит в работах философов XVII века, в первую очередь, Лейбница. Как она отмечает, мысль о проведении границы между определяемыми и неопределяемыми концептами была крайне значима для многих мыслителей XVII в., и основной вопрос состоял в том, где проводить эту границу, каковы критерии неопределяемости, семантической простоты [см.: Wierzbicka 1980, p. 4]. Для Декарта и Локка проблема выявления простых концептов снималась соображениями интуитивной очевидности, а Дж. Уилкинс утверждал произвольность выбора «трансцендентальных частиц», лежащих в основе оптимального для коммуникации между людьми разных национальностей философского языка. Лейбниц же в своих поисках «алфавита человеческих мыслей» воспринимал задачу выявления таких понятий как крайне сложную проблему, но считал, что их выбор не может быть произвольным. Он также полагал, что естественный язык – лучший ключ к языку мыслей и точный анализ значений слов лучше, чем что-либо другое, демонстрирует нам механизмы понимания. Вежбицкая называет Лейбница структуралистом *par excellence* и утверждает, что его идея минимального «ментального алфавита» - не только операциональный принцип, но и гипотеза о глубинной структуре человеческого мышления [см: Wierzbicka 1980, p. 4-7, 9-10, а также Wierzbicka 1972, p.3-7; Wierzbicka 1996, p. 9-10, 11-13, 28, 48, 70-71, 212-213].

Следует отметить, что для мыслителей XVII века – философов, обнажающих онтологический фундамент своих лингвистических описаний, – представления о языке вытекают из представлений о мироздании и человеке в целом, и за описанным Вежбицкой «структуралистским» образом языка стоят вполне определенные онтологические и гносеологические основания, определенные парадигмы научности, образы

зом и законы движения в теле, обнаруживающиеся в порядке действующих причин, тоже гармонируют и согласуются с мыслями души так, что тело вынуждено действовать именно в то время, когда этого желает душа.

И эта теория не только не причиняет ущерба свободе, но даже наиболее благоприятна ей. Г-н Жакло в своей книге о соответствии разума и веры очень хорошо показал, что это совершается так же, как если бы кто-либо, зная все то, что я прикажу на другой день своему слуге, сделал автомат, который был бы совершенно похож на этого слугу и который на другой день со всей точностью выполнил бы то, что я ему прикажу... Как тот автомат, который исполняет функции слуги, будет зависеть от меня *идеально*, в силу знания того, кто, предвидя мои будущие приказания, сделал его способным служить мне с определенного момента на весь следующий день, так и знание моих будущих желаний побуждает к деятельности того великого творца, который затем создаст автомат: мое влияние при этом будет объективное, а его – физическое. Ибо поскольку душа обладает совершенством и отчетливыми мыслями, Бог приноровил тело к душе и заранее устроил его так, что оно расположено исполнять приказания души; а поскольку душа несовершенна и ее представления смутны, Бог приноровил душу к телу таким образом, что душа увлекается страстями, возникающими из телесных представлений; это-то и производит такое действие и такое кажущееся состояние, как будто бы одно зависит от другого непосредственно и в силу физического влияния. Именно посредством этих смешанных мыслей душа представляет себе окружающие ее тела» (Лейбниц 1989, с. 167-169).

Как душу, так и тело Лейбниц неоднократно называет *автоматами*⁸, т.е. машинами, которые содержат причину своего движения в самих себе⁹. Изложенные представления (душа и тело – сконструированные Богом автоматы, не взаимодействующие между собой) определяют и созданную Лейбницем модель мышления, а также модель языка [о соотношении языка и мышления, слова и идеи у Лейбница см., напр., Лейбниц 1983, с. 274-362]. Так он пишет в набросках, озаглавленных в русском издании «Что такое идея?»: «... наличие в нас идей вещей не предполагает ничего другого, кроме того, что Бог, творец равно и вещей и ума, вложил в этот ум такую мыслительную способность, благодаря которой он мог бы, исходя из своих собственных операций, выводить то, что совершенно соответствовало бы выводимому из вещей. И если поэтому идея окружности и не будет похожа на окружность, все же из

зом и законы движения в теле, обнаруживающиеся в порядке действующих причин, тоже гармонируют и согласуются с мыслями души так, что тело вынуждено действовать именно в то время, когда этого желает душа.

И эта теория не только не причиняет ущерба свободе, но даже наиболее благоприятна ей. Г-н Жакло в своей книге о соответствии разума и веры очень хорошо показал, что это совершается так же, как если бы кто-либо, зная все то, что я прикажу на другой день своему слуге, сделал автомат, который был бы совершенно похож на этого слугу и который на другой день со всей точностью выполнил бы то, что я ему прикажу... Как тот автомат, который исполняет функции слуги, будет зависеть от меня *идеально*, в силу знания того, кто, предвидя мои будущие приказания, сделал его способным служить мне с определенного момента на весь следующий день, так и знание моих будущих желаний побуждает к деятельности того великого творца, который затем создаст автомат: мое влияние при этом будет объективное, а его – физическое. Ибо поскольку душа обладает совершенством и отчетливыми мыслями, Бог приноровил тело к душе и заранее устроил его так, что оно расположено исполнять приказания души; а поскольку душа несовершенна и ее представления смутны, Бог приноровил душу к телу таким образом, что душа увлекается страстями, возникающими из телесных представлений; это-то и производит такое действие и такое кажущееся состояние, как будто бы одно зависит от другого непосредственно и в силу физического влияния. Именно посредством этих смешанных мыслей душа представляет себе окружающие ее тела» (Лейбниц 1989, с. 167-169).

Как душу, так и тело Лейбниц неоднократно называет *автоматами*⁸, т.е. машинами, которые содержат причину своего движения в самих себе⁹. Изложенные представления (душа и тело – сконструированные Богом автоматы, не взаимодействующие между собой) определяют и созданную Лейбницем модель мышления, а также модель языка [о соотношении языка и мышления, слова и идеи у Лейбница см., напр., Лейбниц 1983, с. 274-362]. Так он пишет в набросках, озаглавленных в русском издании «Что такое идея?»: «... наличие в нас идей вещей не предполагает ничего другого, кроме того, что Бог, творец равно и вещей и ума, вложил в этот ум такую мыслительную способность, благодаря которой он мог бы, исходя из своих собственных операций, выводить то, что совершенно соответствовало бы выводимому из вещей. И если поэтому идея окружности и не будет похожа на окружность, все же из

нее могут быть выведены истины, которые, без сомнения, будут подтверждать опыт обращения с реальной окружностью» [Лейбниц 1984, с. 104]. Представляя мысли, точнее, набор идей, как полностью оторванную от реального практического опыта систему, Лейбниц не проводил различия между реальным и искусственным языком [см., напр., Лейбниц 1984а] и опирался в качестве парадигмы научности на математические тексты, классическим образцом которых являются «Начала» Евклида. Отсюда его стремление к «алфавиту человеческих мыслей», к выявлению базовых постулатов, определяющих деятельность мышления: оно абсолютно органично вытекает из его общих мировоззренческих представлений.

А каковы общие представления о человеке самой А. Вежбицкой? Разделяет ли она утверждения Лейбница о предустановленной гармонии, о независимом существовании души и тела, об отсутствии качественных различий между искусственным и естественным языком? Если да, то об этом следовало бы прямо заявить, что перевело бы полемику на принципиально иной уровень: благо, экспериментальной психологией и антропологией после Лейбница проделана огромная работа. Или ссылки на Лейбница не носят принципиального характера, имея смысл лишь обращения к традиции, обозначения ее истоков? Но тогда какой образ мира и человека стоит за NSM-теорией? Прямых высказываний на этот счет мне найти не удалось, однако некоторые косвенные выводы можно сделать, анализируя интерпретацию А. Вежбицкой другого массива текстов, служащего, с ее точки зрения, экспериментальным подтверждением ее концепции, – работ по детской речи и по традиционным культурам (культурам архаических, или примитивных народов). Обратимся к каждому из данных блоков, начав с работ детских психологов и лингвистов.

Сразу замечу, что ни исследования, на которые ссылается Вежбицкая, ни другие исследования детской речи не дают оснований утверждать существование врожденных базовых концептов в смысле Лейбница или Вежбицкой. Скорее, наоборот – весь собранный экспериментальный материал показывает определяющую роль контекста и социокультурной коммуникации в формировании навыка использования языка и, в первую очередь, овладения семантикой.

Обращусь к конкретным примерам. А. Вежбицкая использует в качестве подтверждения своего постулата о врожденных базовых концептах работы Д. Слобина, в частности, его статью [Slobin 1985]. Судя по тексту статьи, Д. Слобин испытал в плане

методологии заметное влияние идей порождающей грамматики Н. Хомского, что сразу задало жесткую рамку для собранных его группой экспериментальных данных¹⁰. Он вводит понятие опорной детской грамматики (Basic Child Grammar), состоящей из набора операционных принципов (Operating Principles), характеризующих систему организации языковой деятельности ребенка (Language-Making Capacity) и утверждает, что эта грамматика носит универсальный характер для всех детей, и лишь позднее ребенок, отказываясь от нее, осваивает грамматику конкретного языка [Slobin 1985, p. 1158-1160].

Заданная схема определяет характер регистрации экспериментальных данных: в экспериментальных описаниях фиксируется, главным образом, речевая деятельность ребенка, на жесты ребенка, которыми сопровождается его речь, обращается меньше внимания, и лишь как слабый периферийный фон в описаниях присутствует ситуационный контекст и действия взрослого, регулирующие речевые усилия ребенка. Однако даже при такой ограниченности экспериментального материала и искусственности теоретических построений, заметно, что определяющую роль в освоении ребенком языка играет опыт, который он обретает в процессе социокультурной коммуникации, т.е. повседневная практика ребенка¹¹. При этом в предложенной автором схеме (даже закрывая глаза на ее теоретическую некорректность), лишь при большом усилии можно найти какие-либо аналоги семантическим примитивам в понимании А. Вежбицкой¹².

Крайне показательна также отсылка к работам Дж. Брунера, которого автор NSM-концепции трактует как своего сторонника. Вежбицкая приводит фрагмент из Брунера, в котором тот говорит о долингвистической способности к восприятию значения (readiness for meaning) утверждая, что существуют определенные классы значений, «настроенность» на которые заложена в человеке еще до рождения и которые до формирования языка существуют как протолингвистические репрезентации мира [см.: Wierzbicka 1996, p. 18; Bruner 1990, p. 72]. На первый взгляд, в данном фрагменте можно увидеть нечто подобное семантическим примитивам в смысле Вежбицкой, однако, через несколько страниц Брунер отчетливо показывает, что он говорит здесь совсем о другом, а именно, о способности человека к социальному общению, о его социальной природе, основания которой имеют врожденный характер [см. Bruner 1990, p. 73-74, а также p. 64-65].¹³

Отмечая заметную произвольность в толковании экспе-

риментальных данных, следует обратить внимание и на одну логическую процедуру, используемую А. Вежбицкой при интерпретации материалов наблюдений. Иногда, приводя результаты экспериментов, она отмечает, что их трактовка автором статьи не является единственно возможной, что они могут быть проинтерпретированы и иным, когерентным с NSM-концепцией способом. Так, доказывая, что *because* является семантическим примитивом и его понимание присуще человеку с рождения, Вежбицкая, с одной стороны, ссылается на Канта, для которого способность к каузированию является априорной способностью человека, а с другой - приводит материалы Л. Блума, который исследовал каузацию в речи американских детей двухлетнего возраста. Излагая затем интерпретацию автора исследования, который отрицает врожденный характер *because* для ребенка и связывает его со стремлением зафиксировать регулярности в его повседневной социальной практике, она отмечает, что приводимые данные полностью согласуются и с утверждением о казуальности как врожденной форме восприятия человеком мира [Wierzbicka 1996, p. 70-71. См. также аналогичный ход с М. Бауэрман: Wierzbicka 1996, p. 18]. Однако при таком понимании идея семантических примитивов становится практически непроверяемой (понятие врожденности превращается в нечто аналогичное понятию судьбы в античности), но одновременно теряет научный статус – возможность опровержения является в современной методологии науки одним из ключевых признаков научности теории. Если следовать изложенной логике, то и отсутствие слова *because* в речи детей не опровергает утверждения о врожденности этого концепта: можно сказать, что в раннем возрасте отсутствуют условия для актуализации врожденной способности. Однако, становясь непроверяемой, такая теория теряет свою предсказательную силу, тогда как утверждение о связи *because* с социальным опытом ребенка дает возможность предсказывать, в каких контекстах происходит фиксация причинно-следственной связи, а в каких нет, например, объяснить, почему все приводимые Блумом примеры относятся непосредственно к самому ребенку как субъекту высказывания, и среди них нет ни одного случая выявления объективных, не центрированных на ребенке закономерностей (вида «на улицах лужи, потому что идет дождь»).

В целом, похожим образом обстоит дело и с работами по традициональным культурам, на которые ссылается А. Вежбицкая. Основной ее тезис здесь звучит следующим образом: набор семантических примитивов одинаков для всех языков, как бы

далеко они друг от друга ни отстояли, как бы ни различались говорящие на этих языках культуры по мировоззрению и типам деятельности. Как известно, существует значительное число антропологов, которые не признают такого единства, утверждая, что в языках традиционных культур отсутствуют концепты, выражающие причинно-следственную связь, базовые ментальные концепты и т.д. А. Вежбицкая и Кл. Годдард опровергают подобные утверждения, указывая, что их авторы не учитывают полисемии и аллолексии, которые присутствуют и в современных европейских языках и с учетом которых изоморфизм между базовыми наборами становится гораздо более явным (Wierzbicka 1996, p. 185-210; Goddard 2002, p. 20-30). Однако корректного описания когнитивных процедур, стоящих за восприятием того или иного слова, ни Вежбицкая, ни Годдард не проводят, так как для этого требуется не лингвистический, а психолингвистический анализ. Более того, даже в работах психологов, которые отчетливо фиксируют особенности мышления представителей традиционных культур, А. Вежбицкая не обнаруживает этих особенностей и, используя описанный Поппером метод, интерпретирует приводимые данные в свою пользу.

Приведу лишь один пример. Вежбицкая ссылается на английский текст знаменитой работы А. Лурии, опирающейся на его исследования 30-х годов, но опубликованной в СССР лишь в 1974 г. [см. Лурия 1974; Luria 1976]. В этой работе, и, в частности, в тех ее фрагментах, которые она упоминает, Лурия отчетливо показывает, что мышление и мировосприятие человека традиционной культуры связаны с контекстом его повседневной деятельности и абстрагироваться от этого контекста, решать задачи, не опирающиеся на его повседневный опыт, он не может. Не возражая против наблюдений Лурии, Вежбицкая отмечает, что его информанты используют, тем не менее, слова *all*, *if*, т.е. эти понятия присутствуют в их языке, что позволяет выделить их как семантические примитивы [см. Wierzbicka 1996, p. 209-210]. Однако когнитивные процедуры, стоящие за *all*, *if* в текстах Лурии, так же, как и в детских высказываниях, воспроизводящих упомянутое выше *because*, существенно отличаются от подобных процедур в понимании Канта и Лейбница. Здесь основой суждения является личный опыт, а не абстрактная безличная необходимость, и за внешним семантическим сходством в указанных ситуациях стоят различные типы мышления, которые можно условно назвать симпрактическим и теоретическим [см. об этом: Романов 1991, с. 11-67]. Разумеется, это отличие невозможно увидеть, если

рассматривать язык как формальную систему, оторванную от человека, но оно сразу становится заметным, если включить человека в процесс формирования и развития языка.

Аналогичное замечание можно сделать и на приводимое Вежбицкой утверждение Боаса (с которым солидаризируется она и многие другие лингвисты), что в языке примитивных народов, хотя и отражающем, в первую очередь, их непосредственный опыт, достаточно средств для того, чтобы выражать абстрактные идеи. Если рассматривать язык как формальную систему, это утверждение, безусловно, справедливо, но если видеть за языком говорящего на нем человека, данное высказывание нужно переформулировать следующим образом: в любом языке *потенциально* достаточно средств для выражения любых, сколь угодно абстрактных понятий, но для того, чтобы такая возможность стала актуальной языковой практикой, нужен отчетливо формулируемый культурный запрос и долгий промежуточный этап формирования ответа на этот запрос¹⁴.

Завершая обсуждение NSM-концепции, необходимо сделать два замечания. Возвращаясь к вопросу об образе мира и человека, стоящем за ней, следует признать ее автора «наивным механицистом», т.е. исследователем, который, не обозначая отчетливо своих онтологических оснований, неявно разделяет представления мыслителей XVII века. Необходимо также особо подчеркнуть, что мы обсуждали здесь работы А. Вежбицкой только как создателя NSM-концепции. В целом же спектр осуществленных ей исследований заметно шире и для значительной их части характерно пристальное внимание к социокультурному контексту и активное привлечение его для объяснения семантической эволюции концептов¹⁵.

Модель «Смысл⇔Текст»

Перейдем теперь к модели «Смысл⇔Текст». Следует отметить, что здесь редкие размышления о способах верификации теории обычно отсылают к критерию интроспекции со ссылкой на А. Вежбицкую¹⁶, поэтому приведенные выше соображения о квазирелигиозности можно перенести и на эту модель.

Онтологические основания теории, образы мира и человека, стоящие за ней, заключены в рамки компьютерной парадигмы, ядром которой является понятие информации. Такая установка задается уже первыми словами монографии И.А. Мельчука, посвященной изложению модели «Смысл⇔Текст»:

«В этой книге мы исходим из следующего тезиса:

Естественный язык – это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы» [Мельчук 1999, с. 9; разрядка автора – В. Г.].

И приведенное определение, и следующие затем комментарии автора к нему не дают возможности усомниться в ключевом для модели образе человека-компьютера, вся жизнедеятельность которого строится вокруг сообщения, получения и переработки информации¹⁷. Не обсуждая здесь работ психологов, в которых показана несостоятельность подобного подхода [см., напр., уже упомянутую работу Дж. Брунера: Bruner 1990], остановлюсь лишь на вопросах, имеющих прямое отношение к обсуждаемой теории. Непонятно, откуда берется пространство смыслов, каков его онтологический статус. Кто выступает в качестве критерия правильности толкования смыслов, корректности устанавливаемых соответствий? Если следовать критерию интроспекции, то сам лингвист, что ведет к замыканию теории на себя и лишает ее объективных критериев проверки. Могут ли смыслы эволюционировать со временем и как в модели заложена возможность описания этой эволюции? Судя по всему, такая возможность не рассматривается, и язык предстает в ней как замершая, статичная система, существующая вне потока времени, в стороне от социокультурных процессов. Вообще, следует заметить, что вопрос о формировании пространства смыслов – базовый для понимания ограниченности методологии данной модели. Попытка аккуратно продумать его сразу обратила бы исследователя к необходимости анализа социокультурного контекста и привела бы в итоге к совсем иной методологической системе координат.

Необходимо остановиться на еще одном моменте. И. Мельчук замечает, что предложенная им модель не претендует на описание реальных процессов, происходящих в сознании человека [см. Мельчук 1999, с. 13], но в работах Ю. Апресяна с описанными механизмами уже начинает связываться реальная работа человеческого мышления. Так, обратимся к ставшему уже классическим примеру Апресяна про хорошего кондитера и газовую плиту: «Рассмотрим, например, предложение *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите*. Его значение непосредственно очевидно всякому человеку, владеющему русским языком, хотя можно сомневаться в том, что рядовой носитель языка сумеет теоретически удовлетворительно объяснить существо закона, который он интуитивно использу-

ет при понимании данного предложения (подчеркнуто мной – В. Г.). Однако модель не может апеллировать к интуиции, которой у нее нет, и если мы хотим, чтобы она выполняла доступные человеку операции с текстами, мы должны заложить в нее необходимую информацию в явном виде. Эта информация складывается прежде всего из знания фонетических, морфологических и синтаксических единиц и правил и знания словаря, но, конечно, не исчерпывается этим. Существуют еще некие семантические правила интерпретации текстов; ниже мы эксплицируем одно из них, допустив, что синтаксическая структура предложения и значения входящих в него слов уже известны» [Апресян 1995, с. 13]. Затем автор выписывает последовательно значения слов «кондитер» («тот, кто изготавливает сласти», «торговец сладостями», «владелец кондитерской», «жарить» («изготавливать пищу нагреванием на/в масле», «обдавать зноем») и т.д. и формулирует «основной семантический закон, регулирующий правильное понимание текстов слушающим: выбирается такое осмысление данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума» [там же, с. 14], т.е. из множества значений выбираются те, в которых синтаксически связанные слова дают максимальное семантическое пересечение.

Заметим, что в начальных установках автора есть показательная недоговоренность. Он предполагает, что значения входящих слов уже известны, но не раскрывает источник этого знания. Если такой источник – значения более простых, базовых слов, то, додумывая схему до конца, мы приходим к некоторому аналогу уже обсужденной схемы Вежбицкой с ее *lingua mentalis*. Другие работы автора заставляют предположить, что имеет место именно этот вариант [см., напр., Апресян 1995а, с. 476-482]. Однако более естественной кажется другая позиция. Если речь идет о реальных алгоритмах, интуитивно воспроизводимых носителем языка, естественно заключить, что таким источником является повседневный опыт и тогда эта интуиция должна быть организована совсем по-другому: понимание не атомарно, а целостно и нельзя утверждать, что понимание отдельного слова предшествует пониманию предложения в целом¹⁸. Опуская возможные различия, связанные с различным жизненным опытом, можно предположить, что в норме процесс понимания данной фразы происходит так: сочетание «газовая плита» сразу воспринимается как целостная синтагма, порождающая вполне конкретный образ, не допускающий толкований и выступающий в качестве ядра для по-

нимания всего предложения. К ней присоединяется понятие «жарить», опять же, отсылающее к непосредственному жизненному опыту, процессу приготовления пищи на плите. Но процесс жарки предполагает того, кто жарит, и то, что он жарит, и отсюда происходит выбор менее очевидных правильных значений слов «кондитер» и «хворост».

Еще более отчетливо это различие между человеком как социальным существом и человеком как «носителем языка»¹⁹, знание которого сводится к знанию соответствующих словарных статей и грамматических правил соединения слов в предложения, становится заметным, если обратиться к еще одному проводимому в книге примеру. Поясняя умения, которые он включает в понятие «владение языком», автор подчеркивает, что «здесь имеются в виду умения, основанные на владении чисто языковой (словарной и грамматической), а не энциклопедической информацией. Текст *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд* для всякого носителя русского языка значит: «Плывя стилем "кроль", он покрыл расстояние в 100 метров и затратил на это 45 секунд». Для тех, кто знает не только русский язык, но и таблицу мировых достижений в плавании (элемент энциклопедической, а не языковой информации), то же самое предложение может оказаться гораздо содержательнее. Оно может быть воспринято как сенсационное сообщение о феноменальном мировом рекорде, как напоминание о безграничных физических возможностях человека и т.п.» (там же, с. 12).

Однако можно выразить сомнение, что текст *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд* для всякого носителя русского языка, если понимать его «по Апресяну» как человека, который знает словарные значения слов и правила их связи в предложения, значит: «Плывя стилем "кроль", он покрыл расстояние в 100 метров и затратил на это 45 секунд». Понимание этого предложения будет принципиально разным для человека, который умеет плавать или неоднократно видел, как плавают другие (в частности, стилем «кроль»), и человека, который усвоил значения слов «плавать» (подходящее значение из словаря Ожегова «Передвигаться по поверхности воды или в воде») и «кроль» («стиль спортивного плавания, при котором руки поочередно выбрасываются над водой»), но сам никогда не плавал и не видел, как это делают другие, но, например, часто бегают. Тогда для него плавание кролем может представляться как бег в воде, одним из условий которого является поочередное выбрасывание рук над водой. Это пример показывает, что условием одинакового понимания конкретного предложения вы-

ступает не одинаковый языковой опыт, не знание конкретных словарных значений, а общая социальная практика, и вне нее словарные статьи оказываются бессильными.

Подводя итоги обсуждения, хотелось бы повторить следующее:

- Налицо существенный разрыв между практической работой семантиков, все активнее вовлекающих социокультурный контекст в орбиту своего исследования, и базовыми теоретическими моделями языка, в которых он предстает статичной, замкнутой на себя системой, возвышающейся над культурным контекстом. Ни в модели Вежбицкой, ни в модели Мельчука-Апресяна-Жолковского, не говоря уже о концепции Хомского и близких ему исследователей, не заложена идея динамики, идея изменения языка и механизмы описания такого изменения.

- Если говорить о лингвистике в целом и семантике в частности как строгой науке, вызывают существенные вопросы критерии верификации семантических теорий. Главным критерием здесь становится языковая интуиция самого лингвиста, которого сложно считать беспристрастным судьей созданных им или его коллегами теорий. Даже стремясь к максимальной объективности и точности, он оказывается подверженным определенным профессиональным предрассудкам, которые принято называть профессиональными деформациями. «Замыкание на себя» придает семантическим теориям квази-религиозный, «марксистско-фрейдистский» (по Попперу) оттенок.

- За разрабатываемыми моделями стоит представление о человеке как автомате, в котором ум (душа) и тело либо функционируют независимо друг от друга, либо тело доставляет уму внешние сигналы, которые затем перерабатываются в сознании, как подобные сигналы перерабатываются в компьютере. Тело непосредственно не участвует в процессе переработки. Основания и наиболее отчетливое и бескомпромиссное описание такой модели содержится в трудах рационалистов XVII в., но в целом оно соответствует позитивистской в широком смысле слова ветви в философии XX века, за которой стоят имена Рассела, раннего Витгенштейна, Карнапа, Шлика и др. Другим неявно формулируемым теоретическим основанием концепции служит представление о математике как науке *par excellence*, которое ведет к моделированию естественного языка по образцу искусственного, построенного по законам формальной логики.

III. Возможные методологические альтернативы

Говоря о возможных альтернативах описанным выше методологическим установкам и явно или неявно обозначаемым мировоззренческим основаниям, на которые они опираются, прежде всего, следует сформулировать два главных тезиса:

✓ Необходимым условием для превращения семантики в строгую науку является наличие в ней внешних, не замыкающихся на интуиции самого исследователя критериев проверки истинности утверждений семантических теорий.

✓ «Антропоцентричное», соотносимое с реальным опытом освоения языка человеком описание слова не может быть дано без принципиального выхода за пределы собственно языка, без опоры на социокультурные основания языковых процессов.

За вторым тезисом стоят представления о человеке как о едином телесно-духовном существе, для которого социальный опыт является определяющим в процессе освоения и использования языка. Не оспаривая относительной справедливости гипотезы Сепира-Уорфа, следует заметить, что существенно большее значение имеет обратный тезис: особенности семантической структуры языка в значительной степени определяются социокультурной средой, в которой этот язык существует [ср. Фрумкина 1985, с. 29].

Описание культурно-значимых слов

Указанные постулаты должны, видимо, по-разному применяться в различных областях семантики. Мне хотелось бы остановиться в заключение на наиболее близкой мне области – на описании культурно-значимых слов. Имеются в виду слова, выражающие ключевые для данной культуры понятия, т.е. понятия, обсуждающиеся и получающие различные интерпретации в значимых для культуры философских (в широком смысле) текстах. Примеры таких слов для русской культуры: «Россия», «народ», «интеллигенция», «пошлость», «мещанство»; для древнегреческой культуры – *ἀρετή*, *τὸ ὄν*, *κόσμος*; для средневековой западной культуры – *Deus*, *substantia*, *esse*, *bonum* и т.д.

Как уже отмечалось ранее, лингвисты совершают активный дрейф в эту область, главным образом, в рамках описания так называемых национальных «языковых картин мира». Характерный пример подобных исследований – работы [Шмелев 2002, Зализняк и др. 2005], посвященные «русской языковой картине мира». Авторы делают в них много интересных и глубоких частных наблюдений, которые, к сожалению,

остаются не более чем частными наблюдениями из-за отсутствия адекватной методологии исследования. Представления о языке как особой, внесоциальной реальности, выступающей по отношению к социуму и человеку как внешняя сила, заставляющая человека воспринимать мир так, а не иначе, приводит к существенным методологическим абберациям. Такая позиция отчетливо обозначена, например, в предисловии к работе [Зализняк и др., 2002]: «В заключение подчеркнем, что главным действующим лицом этой книги является русский язык. Наша задача - обнаружить те представления о мире, стереотипы поведения и психических реакций, которые русский язык навязывает говорящему на нем, т.е. заставляет видеть мир, думать и чувствовать именно так, а не иначе. Никаких выводов относительно свойств «русской души», «русского национального характера» и т.п. мы не делаем, хотя и используем в нашем анализе соответствующие концепты – как общие места русского бытового, философского, научного и т.д. дискурса» [Зализняк и др. 2002, с. 13]. Замечу в скобках, что концепты «русской души», «русского национального характера» обладают еще более размытой и аморфной структурой, чем «русская языковая картина мира», и обращение к ним без четкого описания, что конкретно в данном случае имеется в виду, создает дополнительные сложности в восприятии авторской позиции.

Вопрос о критериях верификации сделанных утверждений для авторов не является актуальным, но по контексту видно, что в качестве такого критерия выступает их собственная языковая интуиция, имеющая универсальный характер: с их точки зрения, высказываемые ими наблюдения должны быть очевидны любому носителю языка. Каких-либо попыток объективировать эту интуицию, проверить сделанные наблюдения, например, путем статистического анализа текстов, авторы не предпринимают.

Это ведет к тому, что в отборе текстов, в их трактовке отчетливо проявляются мировоззренческие и идеологические установки авторов, которые связаны не с языком вообще, а с мировоззрением определенной социокультурной группы, и не носят объективного характера (см., напр., трактовку авторами категорий «пошлость» и «мещанство» в [Зализняк и др. 2005, с. 175-202]). Далее, воспринимая, за редкими исключениями, язык как статичную систему, не реагирующую на социальные изменения²⁰, авторы без каких-либо оговорок используют для подтверждения своих идей тексты XIX, начала XX и конца XX века, и не исследуют семантические трансформации, кото-

рые претерпевают описываемые ими концепты со временем, а также не различают осознанного употребления понятия, когда оно превращается в элемент созданной автором философской или квазифилософской конструкции, и его неотрефлексированного употребления в языке. Все это создает ощущение крайней размытости и приблизительности анализа (ср. критику понятия «языковая картина мира» в работе [Шайкевич 2005]).

В качестве альтернативы описанным установкам можно предложить социокультурный подход к описанию культурно значимых понятий. Для его иллюстрации я попытаюсь схематично наметить возможную структуру словарной статьи для культурно значимого слова, если говорить об идеальном словаре с неограниченным объемом.

Такая статья, на мой взгляд, должна включать в себя три уровня описания:

а) *Описание социокультурного контекста, в котором возникает или испытывает семантические трансформации слово.* В социокультурной реальности постоянно происходят изменения, которые могут быть и весьма существенными. Такие изменения, обычно не отражаясь на языке сразу, позднее приводят к появлению новых слов или трансформации семантики старых, представляющей собой реакцию на эти изменения и непонятной без них. Например, резкое возрастание частотности и изменение семантической структуры слова «скука» непосредственно связаны с секуляризацией русской культуры во второй половине XVII-XVIII в. и освобождением дворянства от обязательной государственной службы, юридически закрепленным манифестом Петра III «О даровании вольности и свободы дворянству» (1762 г.) и «Жалованной грамотой дворянству» Екатерины II (1785 г.). Указанные процессы приводят к изменению общей структуры повседневной жизни культурной элиты, когда жизнь лишается внешнего регулятива (спасение души, служение государству и т.д.) и становится как бы равной самой себе. Появляется необходимость в создании культурного института, который придавал бы такой самодостаточности мировоззренческие основания, задавал бы внешние регуляторы поведения в формирующейся структуре новой повседневности. Эту функцию и начинает выполнять свет, светское общество, воспроизводя в основных чертах уже сложившиеся западные (в первую очередь, французские) образцы. Скука становится важнейшим атрибутом светского образа жизни. Без осознания этих социокультурных трансформаций понимание

семантической эволюции слова оказывается крайне затрудненным.

б) Второй уровень описания связан с отражением социокультурной динамики в языке, в результате чего слово вступает в разнообразные семантические связи с другими словами, и у погруженного в языковую среду человека формируется интуиция, позволяющая в каждом конкретном случае утверждать, корректно употреблено слово или нет. На этом уровне можно говорить о неосознанном, неотрефлексированном употреблении слова (этот уровень в первом приближении соответствует тому, что некоторые лингвисты называют «наивной языковой картиной мира» или «наивной языковой моделью мира» [См. напр. Апресян 1995, с. 56-60]).

Следует отметить, что процесс обретения словом устойчивого семантического положения, процесс формирования семантической нормы может быть весьма длительным, и его описание представляет собой интересную самостоятельную задачу. Сначала новое значение «нащупывается», слово может употребляться в весьма неожиданных контекстах, но постепенно конструкция становится все более и более жесткой и интуиция, соответствующая слову, обретает необходимую устойчивость. Если говорить о «скуке», то такая «размытость» значения особенно характерна для первой половины XVIII в., когда относительно часто встречаются контексты, периферийные для данного периода и исчезающие в дальнейшем. Интересно, например, следующее высказывание Меньшикова: «Королевское величество зело скучает о денгах и со слезами наодине у меня просил, понеже так обнищал, пришло так, что есть нечего. Которую ево скудость видя, я дал ему своих денег десять тысяч ефимиков» (Письмо А. Д. Меньшикова Петру (26 сентября 1706 г.) // Петр Великий 1900, с. 1132).

в) Третий уровень задают интерпретации слова, т. е. его сознательное, отрефлексированное использование, превращающее слово в элемент определенной теоретической конструкции²¹. Важно разделять сознательную интерпретацию значения слова и его неотрефлексированное употребление. Особенно существенно это различие для культурно значимых слов, с интерпретацией которых у интерпретатора связывается собственная культурная идентификация. Так или иначе трактуя смысл понятий «свобода», «счастье», «Россия», «Запад», «народ», «интеллигенция», «пошлость», «мещанство», «скука», человек, живущий в пространстве русской культуры, обретает в ней свое место, а также включается в процесс дальнейшей ее

трансляции и эволюции. При этом предлагаемая интерпретация, опираясь на языковую интуицию, часто заметно трансформирует ее, и для своего понимания требует экспликации мировоззренческой системы автора в целом (см.: [Глебкин 1998, с. 6-8, 54-56]). Так интерпретация понятия «пошлость» Набоковым или Зеньковским, понятия «интеллигенция» Бердяевым или Ивановым-Разумником существенно отличаются от традиционного для их современников употребления слова, и эти интерпретации нельзя смешивать с неосознанным употреблением, они требуют отдельного описания (см.: [Глебкин 2002, с. 429-430]; более развернутое обоснование этого тезиса см. [Глебкин (в печати)]).

Следует заметить, что описание каждого из трех уровней необходимо давать в динамике. Семантическая структура культурно значимых слов может испытывать заметные изменения каждые десять-двадцать лет. Эти изменения могут происходить и посредством внутренней эволюции слова, за счет образования дополнительных семантических связей с другими словами, но, в первую очередь, они происходят как следствие новых социокультурных трансформаций, а также благодаря влиянию интерпретаций на третьем уровне. Со своей стороны, эти трансформации иногда ведут к появлению новых интерпретаций, которые, разумеется, могут возникать и независимо. Такое динамическое описание на трех уровнях, при фиксации семантической структуры в каждый семантически значимый период, должно обеспечить достаточную степень полноты в понимании семантической и социокультурной траектории слова.

Не имея здесь возможности излагать принципы описания на первом и третьем уровнях, немного остановлюсь лишь на описании второго. Основная идея здесь состоит в том, чтобы выделять некоторые парадигмальные ситуации, в которых данное слово употребляется наиболее часто. Сделанное утверждение можно проиллюстрировать классическими опытами А.Р.Лурии и О.С.Виноградовой по исследованию «семантических полей» слов [Лурия, 1979, с. 100-114]²². Отвлекаясь от специальной терминологии и некоторых нюансов, содержание данного исследования можно передать следующим образом. У испытуемого вырабатывался условный рефлекс на некоторое слово, например, «скрипка» (предъявляемое слово подкреплялось болевым раздражением, приводящим к специфической болевой реакции, после чего раздражитель убирался и соответствующую реакцию вызывало просто произнесение слова).

Затем вместо слова «скрипка» испытуемому предлагались слова, близкие данному ситуационно («смычок», «концерт»), категориально («мандолина», «музыка») а также нейтральные слова («окно», «лампа», «тетрадь»). Опыт показал, что слова первой и второй группы («смычок», «концерт», «мандолина», «музыка») вызывают болевые реакции, близкие по интенсивности первоначальной, а на слова третьей группы испытуемый не реагирует. Эти довольно очевидные результаты говорят о том, что в нашем сознании слово существует не отдельно, само по себе, а с целой «гроздью» семантических связей, которая автоматически «всплывает» при произнесении данного слова. За каждой из ветвей данной грозди стоят вполне конкретные парадигмальные ситуации, в которых употребление слова наиболее очевидно. Слова повседневного языка, не несущие значимых для оснований культуры смыслов, описываются через базовые бытовые ситуации: собака – это существо, которое бежит за кошкой, ходит на поводке, любит грызть кости и т.д. Набор таких парадигмальных ситуаций и составляет семантический каркас слова [ср. Wierzbicka 1985, р. 146-257]. Другие ситуации будут подстраиваться под базовые и для них корректность употребления слова уже не будет вызывать безусловного согласия. В различных культурах набор парадигмальных ситуаций разный, что приводит к различиям в представлениях о собаке у жителя Москвы и, например, юкагира. Для культурно значимых слов определяющими становятся социокультурные ситуации, что приводит, в среднем, к значительно более активной семантической эволюции слова.

Так, в литературном языке XIX века слово «ритуал» использовалось в жестко заданной парадигмальной ситуации: оно было связано, главным образом, с католическим религиозным обрядом. Вот характерные примеры: *«Странная вещь! Католицизм, умевший создать такие храмы, умевший украсить их такими фресками, такими картинами и статуями, не умел уладить торжественнее, поэтичнее свой ритуал в самом Риме»* (Герцен, *Письма из Франции и Италии*); *«[Полецуки] начали ходить в костел... Там музыка, благоговейная тишина, торжественность богослужения, великолепный ритуал»* (Куприн, *Запечатанные младенцы*).

Затем, после социальных и культурных потрясений начала XX века, семантика слова изменяется, реагируя на эти потрясения. Во-первых, в связи с общим изменением религиозных установок культуры, значимое для XIX века различие между православием и католичеством с 20-х годов XX века перестает

быть существенным и слово начинает применяться к любой религиозной церемонии. Во-вторых, в культуре возникает отсутствовавшая ранее область, по функции и значимости сопоставимая с православной религией, формируется коммунистическая идеология, и слово «ритуал» переносится на новые символические действия, которые должны заменить собой религиозные (*«На необходимость хоть какого-нибудь свадебного ритуала указывалось и многочисленными делегатками с мест на недавней сессии ВЦИКа.»* (Вересаев, *Об обрядах*); *«Необходимо, чтобы знамя было обставлено специальным ритуалом почета.»* (Макаренко, *Методика организации воспитательного процесса*))

В-третьих, в связи с размыванием социальных границ и общим процессом десакрализации культуры слово начинает переноситься на бытовые контексты, в которых подчеркивается «излишняя» для повседневной практики смысловая составляющая, сначала скорее иронично, но потом и вполне серьезно²³. Здесь, как мы видим, социокультурная эволюция порождает заметное расширение набора парадигмальных ситуаций, хотя центральным все равно остается значение сакрального обряда. Значительно более сложную и часто неожиданную эволюцию испытывают такие слова как «народ», «интеллигенция», «пошлость», «мещанство» [см. Глебкин (в печати)].

Изложив в общих чертах модель описания культурно-значимых слов, которая может быть альтернативной традиционным семантическим описаниям, хотелось бы предупредить некоторые возможные вопросы и в заключение остановиться на двух значимых методологических моментах. Во-первых, как выявить, какая ситуация является парадигмальной? Опора на интуицию исследователя ведет к критикуемому в статье субъективизму. Однако, если речь идет о культурно значимых словах, парадигмальные ситуации можно выявить путем статистического анализа большого массива текстов. Если проанализировать несколько сотен случаев употребления исследуемого слова, парадигмальными обычно будут ситуации, в которых слово встречается наиболее часто.

Во-вторых, имеет смысл обсудить одно очевидное возражение: в предложенном описании будут использоваться слова языка, которые также требуют своего описания, и мы либо опять окажемся в ситуации логического круга, когда одно будет объясняться через другое, либо придем к необходимости введения неопределяемых понятий. Следует, однако, обратить внимание на то, что статус объясняемых слов и слов, с по-

мощью которых строится объяснение, существенно различается. Разницу можно проиллюстрировать, говоря о двух видах математики: как замкнутой на себя, опирающейся на строгие доказательства науки, и как инструмента для других наук, например, физики. И стиль работы использующего математику исследователя, и методологический контекст, в котором она существует, в этих случаях существенно разный. Аналогично, и слова, описывающие парадигмальные ситуации, не самодостаточны, а выполняют роль «инструмента для семантического описания» и могут быть, в принципе, заменены заснятыми на видеокамеру сюжетами или какими-нибудь другими способами изображения.

Разумеется, приведенные соображения не исчерпывают основной массы потенциальных вопросов и возражений, но они и не претендуют на это. Цель изложенной выше модели иная: показать возможность иных, чем это принято в современной семантике, оснований для построения семантической теории, задать поле для конструктивного обсуждения, которое, хотелось бы надеяться, и станет результатом предложенных размышлений.

Примечания

- ¹ Автор признателен В.Н. Романову, прочитавшему текст статьи и сделавшему ряд важных замечаний.
- ² Иногда такие модели *ad hoc* создаются самими авторами фундаментальных теорий, видимо, интуитивно ощущающими ограниченность этих теорий. В качестве иллюстрации можно сослаться на разработанную А. Вежбицкой концепцию «cultural scripts», несмотря на утверждения ее автора, методологически не связанную с ее же NSM-теорией [см., напр., Wierzbicka 2002], или предложенную ей модель описания концептов «народной биологии» [см., напр., Wierzbicka 1985, с. 212-217].
- ³ Для данной статьи не существенны особенности трактовки модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» отдельными ее авторами, а также вопрос об их личном вкладе в модель, т.к. в целом методологические основания авторов едины. В приведенной выше последовательности имен я следую за установившейся традицией [см., напр., Кронгауз 2005, с.259].
- ⁴ Авторы постоянно отмечают, что данная операция требует большой семантической чуткости, в частности, учета аллолексии и полисемии [см. Wierzbicka 1996, p.185-210; Goddard 2002, p. 20-32].

- 5 «...since the meaning of a word is, as I have been arguing all along, a configuration of semantic primitives for each word, its meaning can (and must) be defined positively, regardless of the meanings of any "neighbouring" words in the lexicon. The meanings of different words can overlap (as *abc* overlaps with *bed*), but both the similarities and the differences can be stated only after the meaning of each word has been identified» [Wierzbicka 1996, p.170].
- 6 Более того, могу сказать, что «обычные носители языка», к которым я обращался с просьбой оценить предложенные А. Вежбицкой толкования, выразили сомнения в их ясности и продуктивности. В этом смысле, гораздо более информативными, точными и глубокими являются комментарии Вежбицкой к приводимым толкованиям, но они находятся уже за рамками NSM-концепции.
- 7 Ссылка на Поппера не предполагает, что мне близка его методологическая позиция в целом. Я солидаризируюсь здесь лишь с одной, уже не столько методологической, сколько экзистенциальной посылкой его теоретических построений.
- 8 Ср.: «И подобно тому, как зародыш образуется в животном, как тысячи других чудес природы совершаются вследствие известного, Богом данного инстинкта, т.е. в силу божественной преформации, сделавшей эти удивительные автоматы способными механически производить столь прекрасные явления, - подобно этому можно думать, что и душа есть духовный автомат, еще более удивительный, и что вследствие божественной преформации она производит эти прекрасные идеи, в которых наша воля не принимает участия и которым наше искусство не может подражать. Действия духовных автоматов, т.е. душ, совсем не механические, но они в превосходной степени содержат то, что есть прекрасного в механике» [Лейбниц 1989, с.392]. См. также: [Лейбниц 1982, с. 416, 424-425; Лейбниц 1989, с.138, 161, 167-170].
- 9 В «Словаре французской академии» издания 1694 г. предлагается следующее определение «автомата»: «AUTOMATE. Machine qui a en soy les principes de son mouvement. Une horloge est un automate. Quelques Philosophes pretendent que les animaux ne sont que des automates».
- 10 Влияние идей Хомского характерно для значительного массива западных работ, посвященных исследованию детской речи [см., напр., Bloom etc. 1975, p.4, 30-33]. Это влияние ведет к тому, что теория обретает предельно жесткий каркас, при котором не она трансформируется под влиянием экспериментальных данных, принимая наиболее адекватную эксперименту форму, а, наоборот, экспериментальные данные деформируются таким образом, чтобы соответствовать теоретическому каркасу. Критику такого подхода см. в [Bloom etc. 1975, p. 87-89; Bowerman 1985, p. 1265-1282]. Об исследованиях детской речи в соотношении с базовыми теоретическими моделями в целом см. [Фрумкина 2001, с. 34-36].
- 11 См., напр., операциональные принципы, в которых подчеркивается значимость типовой для ребенка деятельности, отсутствие различий между одушевленными и неодушевленными объектами

- и т.д. [Slobin 1985, p. 1170-1171, 1186-1187]. Об иной психологической традиции, в которой исследование ситуационного контекста становится определяющим для понимания процессов овладения ребенком языка, см., напр., [Лурия 1979, с. 32-36, 58-60]. Ср. с [Keller-Cohen 1978]. Для построения теоретической модели детской речи важными являются замечания Р. Фрумкиной о параллелизме между детской и разговорной речью [Фрумкина 2001, с. 35-39].
- 12 Так «basic notions», о которых пишет Слобин, и под которыми по контексту имеются в виду как раз опорные операциональные принципы, трансформируются в тексте Вежбицкой в «innate "basic concepts"» [см. Wierzbicka 1996, p. 17]. При этом в интерпретации Вежбицкой объединяются два далеко отстоящих фрагмента статьи Слобина, в которых речь, кажется, идет о разных вещах и ни один из которых не предполагает, по-видимому, ничего подобного innate «basic concepts» в смысле Вежбицкой [см. Slobin 1985, p. 1161, 1171-1172].
- 13 Вообще, отсылка к Брунеру в данной работе Вежбицкой крайне любопытна. Весь пафос книги Брунера – отчетливо антилейбницанский, направленный против формальных, компьютерных моделей мышления. В частности, автор критикует «информационный» подход к описанию значения, сводящий процесс понимания к отысканию в сознании ячейки с соответствующей информацией [Bruner 1990, p.4-7]. Но именно такую трактовку значения предлагает Вежбицкая (см. цитированный выше фрагмент [Wierzbicka 1996, p.170]).
- 14 В качестве иллюстрации можно вспомнить слова Пушкина о современном ему русском языке: «Исключая тех, которые занимаются стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен – у нас еще нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись – метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны» [Пушкин 1949 (1824), с.21].
- 15 См., напр., работу, посвященную семантической эволюции понятия *Angst* и влиянию работ Лютера на эту эволюцию: [Вежбицкая 2001, с.44-125].
- 16 См., напр., [Мельчук 1997, с. 21-22]. Ср.: [Апресян 1995, с.113], где говорится о речевой практике носителей языка, но фактически в качестве таких носителей выступают сами лингвисты.
- 17 «Попробуем проанализировать содержание утверждения "Язык – орудие общения". Что значит "быть орудием общения"? Видимо, эта означает "представлять собой систему средств передачи ин-

формации, составляющей цель общения"... Дело обстоит, грубо говоря, следующим образом: (1) Информация передается посредством (2) последовательностей речевых сигналов, акустических или визуальных. Последовательность сигналов, несущая информацию, направляется от (3) говорящего-(или пишущего) к (4) слушающему (или читающему) через определенный (5) канал связи (воздух, в котором распространяется звук; телефонный провод; бумага книги и т. п.). Слушающий извлекает из сигналов, посланных говорящим, ту (или почти ту) информацию, которую этот последний имел в виду, благодаря тому что оба владеют одним и тем же (6) кодом – правилами соответствий между (речевыми) сигналами и (речевой) информацией» [Мельчук 1999, с. 12].

- 18 Ср. экспериментальные исследования Р. Фрумкиной и ее выводы о целостности восприятия объекта испытуемыми: [Фрумкина 1985, с.25-26; Фрумкина 1991, с. 128-130].
- 19 Т.е. существом, которое только *носит* некоторую не связанную с ним сущностно реальность как носят пальто, ботинки и т.д.
- 20 В тех случаях, когда авторы говорят (впрочем, крайне конспективно) о семантической эволюции слова, причины этой эволюции остаются непроясненными (см., напр., [Зализняк и др. 2005, с. 108-109, 162-163]). Единственное, пожалуй, исключение составляет обращение к советской истории, но и здесь оно выдержано в рамках тоталитарной модели, для которой весь советский период предстает как единый монолит, не предполагающий существенной социокультурной эволюции (см., напр., [Зализняк и др. 2005, с. 123-129]).
- 21 Отдаленным аналогом этого уровня служит понятие «научной картины мира», выраженное в противопоставлении «наивной» и «научной картины мира», или научного знания и повседневного знания [Апресян 1995, с. 56-60; Wierzbicka 1996, р. 338-344]. Однако осознанное употребление слова, при котором оно становится элементом определенной теоретической конструкции, далеко не всегда может быть описано понятием «научная картина мира».
- 22 За этими экспериментами стоит хорошо известный в психологии метод свободных ассоциаций, который авторы попытались перевести на уровень физиологии.
- 23 «...нет, видно такой ритуал, что когда математик приходит к отцу, то – приходит молчать» – А.Белый, На рубеже двух столетий; «Если бы дать Исаю Бенедиктовичу волю, он бы взял такси и носился по Москве наобум, без всякого плану, воображая, что таков ритуал». – О.Мандельштам, Четвертая проза; «Скупой прощальный ритуал не оборвет нам песни» – О.Митяев, «Живут такие люди»; «Я вспомнил, как Шура истово отпаривал брюки, как тщательно завязывал галстук, как бережно доставал из шкафа свой единственный "выходной" пиджак в клеточку, когда собирался, по его выражению, "в люди". Эти сборы всегда носили характер маленького торжественного и веселого ритуала» (В.Кунин. Кыся-2). Подробнее о механизме употребления слова см.: [Глебкин 1998, с. 16-24].

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М.: Языки рус. культуры: Восточная литература, 1995.
- Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки рус. культуры, 1995. С. 466 – 484.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999.
- Вежбицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики. М.: Языки слав. культуры, 2001.
- Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998
- Глебкин В.В. Интеллигентный диссидент: тавтология или оксюморон? // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. М.: АИРО-XX, 2002. С. 416-432.
- Глебкин В.В. Интеллигенция; Мещанство; Пошлость; Скука // Культурология: Энциклопедия: В 2-х т. / Ред. С.Я. Левит. М., 2007 (в печати).
- Зализняк и др. 2005 – Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки слав. культуры, 2005
- Кронгауз М.А. Семантика. М.: Академия, 2005.
- Лейбниц Г.-В. Монадология // Сочинения: в 4-х т.: Т.2. М.: Мысль, 1983. С. 47-545.
- Лейбниц Г.-В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Сочинения: в 4-х т.: Т.2. М.: Мысль, 1983. С. 47-545.
- Лейбниц Г.-В. Что такое идея // Сочинения: в 4-х т.: Т.3. М.: Мысль, 1984. С. 103-104.
- Лейбниц Г.-В. Об универсальной науке, или философском исчислении // Сочинения: в 4-х т.: Т.3. М.: Мысль, 1984. С. 494-500.
- Лейбниц Г.-В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Сочинения: в 4-х т.: Т.4. М.: Мысль, 1989. С. 49-413.
- Логический анализ 1991 – Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991.
- Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.
- Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». М.-Вена: Языки рус. культуры: Венский славистический альманах, 1995.
- Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. М.- Вена: Языки рус. культуры: Венский лингвистический альманах: Прогресс, 1997.
- Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М.: Языки рус. культуры, 1999.
- Петр Великий 1900 – Письма и бумаги Петра Великого. Т. 4 (1706). СПб.: Государственная типография, 1900.
- Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.

- Пушкин А.С. <Причинами, замедлившими ход нашей словесности...> // Полное собрание сочинений. Т. 11. Критика и публицистика. 1819-1834. М., 1949. С.21
- Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
- Соловьев В.Д. К методологии описания синонимии (на материале эмоциональной лексики русского языка) // Эмоции в языке и речи. М.: РГГУ, 2005. С.86-105.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.
- Фрумкина Р.М. Смысл и сходство // Вопросы языкознания. 1985. №2. С. 22-31.
- Фрумкина Р.М. Интерпретация смыслов: признаки и целостности // Семантика и категоризация. М.: Наука, 1991. С. 128-143.
- Фрумкина Р.М. Вокруг детской речи: методологические размышления // Известия Академии наук. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60. №2. С.33-39.
- Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. М.: Языки слав. культуры, 2002.
- Шайкевич А.Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок // Московский лингвистический журнал. 2005. Т.8, №2. С. 5-21.
- Bloom etc. 1975 – Bloom L., Lightbown P., Hood L. Structure and variation in child language. Chicago (Ill.): Univ. of Chicago press, 1975.
- Bowerman M. What Shapes Children's Grammars? // The Crosslinguistic Study of Language Acquisition. V. 2: Theoretical Issues. Hillsdale, New Jersey, 1985. P.1257-1319.
- Bruner Jerome. Acts of Meaning. Cambridge, Mass.; L.: Harvard University Press, 1990
- Goddard Cliff. Bad arguments against semantic primitives // Theoretical Linguistics. 1998. V. 24, № 2-3. P.129-156.
- Goddard Cliff. The search for the shared semantic core of all languages // Meaning and Universal Grammar. Theory and Empirical Findings / Goddard C. and Wierzbicka A. (eds). V.I. Amsterdam: John Benjamins. P. 5-40.
- Luria A.R. Cognitive Development: Its Cultural and Social Foundations. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976.
- Keller-Cohen D. Context in Child Language // Annual Review of Anthropology. V. 7, 1978. P. 453-482.
- Popper K.R. Conjectures and Refutations. N.Y., L.: Basic Books, Publishers, 1962.
- Slobin Dan I. Crosslinguistic Evidence for the Language-Making Capacity // The Crosslinguistic Study of Language Acquisition. V. 2: Theoretical Issues. Hillsdale, New Jersey, 1985. P.1127-1256.
- Wierzbicka Anna. Semantic Primitives. Linguistische Forschungen. №22. Frankfurt/M: Athenäum, 1972.

В. В. Глебкин

- Wierzbicka Anna.** *Lingua mentalis: The Semantics of natural Language.* Sydney etc.: Academic Press, 1980.
- Wierzbicka Anna.** *Lexicography and Conceptual Analysis.* Ann Arbor: Karoma, 1985.
- Wierzbicka Anna.** *Semantics: primes and universals.* Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1996.
- Wierzbicka Anna.** *Russian Cultural Scripts: the Theory of Cultural Scripts and its Applications // Ethos.* 2002. V.30, № 4. P.401-432.
- Wierzbicka Anna.** *Empirical Universals of Language as a Basis for the Study of Other Human Universals and as a Tool for Exploring Cross-Cultural Differences // Ethos.* 2005. V.33, № 2, P.256-291.

К вопросу о семантике цвето- наименований китайского языка, восходящих к тематической группе «фауна»

Разные языки сегментируют действительность по-разному. В большинстве случаев различия в членении действительности удаётся объяснить, исходя из различий в условиях жизни и труда людей и вытекающей отсюда практической необходимости в более детализированном или, наоборот, в более обобщённом отражении действительности в языке.

Так, общеизвестно наличие большого числа названий для льда в языке эскимосов и большого числа названий для верблюдов в арабских диалектах. В языке шелта (языке ирландских цыган), например, цветообозначения вообще практически отсутствуют; единственные цветоразличители, употребляющиеся в нём, - это обозначения мастей лошадей и цвета волос [Михайлова 1994, с. 119].

Явление перехода лексем из собственно обозначений мастей животных в разряд цветоименований (далее – ИЦ) наблюдается и в китайском языке.

Как известно, древнейшие памятники китайского письма – гадательные надписи на костях животных и панцирях черепах, так называемые 甲骨文 «цзягувэнь», относящиеся к эпохе Шан-Инь (традиционно датируются второй половиной II тыс. до н. э.), были вырезаны на черепаховых панцирях 甲 («цзя»), а также бычьих (буйволовых)¹ лопатках 骨 («гу»). Бык был одним из первых животных, прирученных человеком. Древнейшие останки бычьих костей обнаружены при раскопках развалин неолитической культуры хэмуду (около 5000 тыс. лет до н.э.) на территории нынешней провинции Чжэцзян.

Бык являлся основным жертвенным животным в эпоху Шан-Инь, вследствие чего в гадательных иньских надписях присутствует большое количество иероглифов, его обозначающих. Примечательно, что каждый знак обладал чрезвычайной ёмкостью и вместе с непосредственным обозначением животного передавал одновременно либо возраст, либо пол, форму,

физические особенности, окрас или нрав животного [罗常培 2003, с. 19].

Что касается слов, передающих окрас в иньских надписях, прежде всего нас интересует иероглиф 物 *wu*, обозначавший пестрого быка: «王曰贞物牡» «Wang yue zhen wu mu» (馘 42.4) «Правитель велит гадать по пестрому быку» (Цзянь 42.4) [徐朝华 2003, с.35].

В эпоху Чжоу (примерно XI в. до н.э. – 221 г. до н. э.) 物 *wu* еще сохраняет свое значение. Основываясь на комментариях «Ши цзин» школы Мао Хэна времен династии Хань, известный китайский философ и историк начала XX века Ван Говэй настаивает на значении «пестрый бык», в связи с чем переводит фразу из «Ши цзина» так [Wang 1996, с.81]:

«三十维物».

«San shi wei wu».

(«诗经. 小雅. 无羊»)

«Стада [быков и баранов] пестры – одномастны по тридцать голов».

(«Ши цзин», раздел «Малые оды»,
«Нет баранов»)

Одновременно происходит семантическое расширение лексемы 物 *wu*, своеобразное раздвоение: из собственно обозначения пестрого быка 物 *wu* принимает значение «вещь» (которое и сохранилось в современном китайском языке), а также переходит в разряд имен цвета (сравним в русском языке: *буренка*, т.е. 'корова бурого цвета', *пеструха*, т.е. 'пестрая корова').

Выкристаллизовавшееся ИЦ 物 *wu* уже не связано с первоначальным образом пестрого быка, а принимает значение «пёстрый»:

«杂帛胃物».

«Za bo wei wu».

(«周礼. 春官. 司常»).

«Пестрая шелковая ткань называется *wu*».

(«Чжоу ли», раздел «Чуньгуань»,
глава «Сычан»).

Примечательно, что в современном китайском языке существует бином 物色 «*wu se*», означающий «выбирать кого/что-либо, подбирать, присматривать кого/что-либо», который, как мы полагаем, семантически восходит к подбору кого/чего-либо по цвету.

Следующая лексема – ИЦ в иньских надписях – 𠄎 *xing*, состоящая из элементов «баран» и «бык». Известный китайский исследователь иньских надписей Ло Чжэнъюй расшифровал её

как первоначальную форму написания иероглифа 騂, также пишущегося как 騂 xing, указав, что 騂 xing передавал значение «красноватый бык», который являлся одним из основных жертвенных животных в иньских ритуалах [Wang 1996, с.72]:

«享以騂牺...»,

«白牡騂刚».

“Xiang yi xing xi...”.

“Bai mu xing gang”.

(«诗经. 鲁颂. 閟宫»)

«Преподносит жертвы красного и чистого окраса...»,

«Белого быка и красного быка».

(«Ши цзин», раздел «Гимны дома Лу», «Бигун»)

Но параллельно ИЦ 騂 xing использовался и для обозначения масти коня:

«有騂有骐».

«You xing you qi».

(«诗经. 鲁颂. 駉»)

«Есть красные кони и черные с пятнами».

(«Ши цзин», раздел «Гимны дома Лу», «Конский выгон»)

Комментатор классических текстов династии Тан (618-907 гг. н.э.) Кун Инда пояснял: «騂 'xing' – цвета 赤 'chi' (красного). Так еще называют красно-желтый, красный, но с небольшой примесью желтого. Цвет этот яркий и чистый» [汉字形义分析字典 1999]. Таким образом, фактически предлагается определение ИЦ 騂 xing как «красно-желтого», «оранжевого».

Далее происходит расширение семантики 騂 xing: он начинает передавать не только конкретно цвет быка или коня, но и вообще всех животных красного окраса. Так, в «Ли цзи» находим:

«牲用騂, 尚赤也».

«Sheng yong xing, shang chi ye».

(«礼记. 郊特牲»)

«Приносить в жертву красных [животных], поклоняясь красному цвету».

(«Ли цзи», глава «Жертвоприношение [одного жертвенного животного] в окрестностях города»)

В то же время лексема 騂 xing используется в качественном значении уже в «Лунь юе»:

В. А. Богушевская

«犁牛之子騂且角...»

«Li niu zhi zi xing qie jiao...»

(«论语. 雍也»)

«Теленок от пестрой коровы хоть и красный, и с красивыми рогами...».

(«Лунь юй», глава «Юн»).

Необходимо отметить, что в самой значительной филологической работе в древнем Китае – толковом словаре «Шовэнь цзецзы» – первоначальный вариант ИЦ 𠂔 xing в качестве самостоятельного иероглифа отсутствует. Тем не менее, он выступает в качестве как фонетического, так и в определенной степени семантического элемента в составе иероглифов 埴 xing «твердая красная почва» и 解 (解) xing «приспособленный при помощи рогов животных».

В комментариях «Ши цзин» школы Мао Хэна 解 xing был заменен иероглифом 騂 xing (с ключом «лошадь»), а на каменных гонгах эпохи Цин 騂 xing (с ключом «лошадь») преобразовался в 犝 xing (с ключом «бык»), что свидетельствует о разнообразии письменных вариантов одного слова [Wang 1996, с.75]. В современных как китайских толковых, так и китайско-русских словарях отмечается, что 犝 xing (с ключом «бык») – вариант написания 騂 xing (с ключом «лошадь») [古今汉语词典 2004; БКРС 1983].

Как правило, когда в состав иероглифа входит семантико-фонетическое образование, то его общая семантическая классификация определяется ключом. Таким образом, когда 𠂔 xing использовался для описания цвета почвы, то ключевым элементом должна была быть «земля», элемент «лошадь» – при определении цвета лошади, ключ «бык» – при описании цвета шерсти быка. Однако на практике не существовало такого строгого различия в написании: в ранних текстах фонетические соединения, содержавшие элемент 𠂔 xing, оказывались взаимозаменяемыми, и лексемы, их содержавшие, использовались как в предметном, так и в качественном значении при описании любого животного красного окраса. Это подтверждает существование гибкости в использовании иероглифов в древнем китайском языке, а также наличие принципа ребуса [Wang 1996, с.76].

На период эпохи Западная Чжоу (XI в. до н.э. – 771 г. до н.э.) и до середины Периода Чу (770 – 476 гг. до н.э.) приходится время создания «Ши цзин». Как известно, чжоусцы были некогда кочевым народом, что и отразилось в этом письменном памятнике, где упомянуто 23 разновидности лошадей с

подробным перечислением всех возможных мастей и окрасов. Только в одном из «Гимнов дома Лу» «Конский выгон» (《駟》) содержится описание 16 мастей лошадей. Приведем описание их окрасов китайскими исследователями [刘云泉 1990, с.8-9; 徐朝华 2003, с.47;] (под номером «1»), а также при помощи «Большого китайско-русского словаря» под ред. И.М. Ошанина (под номером «2») с целью выявления эквивалентов: ²

- 驕 yu – 1) конь с темно-чёрным волосяным покровом и белыми бёдрами;
2) вороной конь с белыми бёдрами
- 皇 huang – 1) конь жёлто-белого окраса;
2) белый в гнедых яблоках
- 驥 li – 1) конь чистого чёрного окраса;
2) вороной
- 黃 huang – 1) конь смешанного жёлто-рыжего окраса;
2) соловый
- 騅 zhui – 1) конь с шерстью серо-белого окраса;
2) серо-пегий; серый в яблоках конь
- 駉 pi – 1) конь со смешанной жёлто-белой шерстью;
2) лошадь каурой масти
- 騄 xing – 1) конь красного цвета;
2) огненно-рыжий
- 騄 qi – 1) иссиня-чёрный конь с пятнами, как клетки на шахматной доске;
2) вороной; пегий
- 驥 tuo – 1) конь темного цвета с черными пятнами на коже;
2) пегая лошадь
- 駉 luo – 1) белая лошадь с чёрной гривой и чёрным хвостом;
2) белая лошадь с чёрной гривой
- 騄 liu – 1) красная лошадь с чёрным хвостом и гривой;
2) рыжая лошадь с чёрной гривой и чёрным хвостом
- 騄 luo – 1) чёрная лошадь с белой гривой;
2) воронья лошадь с белой гривой
- 駉 yin – 1) светло-чёрная с примесью белого окраса лошадь;
2) серая чубарая лошадь
- 駉 xia – 1) конь смешанного красно-белого окраса;
2) белая лошадь в рыжих яблоках
- 驥 dian – 1) чёрный конь с жёлтой спиной;
2) вороной конь с жёлтой спиной.
- 魚 yu – 1) лошадь с белыми пятнами вокруг глаз;
2) лошадь рыбоокая (с белыми пятнами вокруг глаз).

Только у кочевых народов наблюдается широко развитая система обозначений мастей лошадей. В самом древнем китайском толковом словаре «Эръя» (составление его относят к III-II вв. до н.э.) всего перечислено 35 мастей лошадей, тогда как относящихся к описанию окрасов коров и баранов их только по 5 для каждого животного. Для сравнения отметим, что в монгольском языке существует более трехсот слов, связанных с коневодческой лексикой, из них 36 являются собственно обозначениями мастей [张清常 1991, с.67].

По мере развития общества количество обозначений мастей лошадей уменьшалось. Если до Периода Чжаньго (475–221 гг. до н.э.) древние китайцы отбирали лошадей строго по окрасу, как для жертвоприношения, так и для использования в повозках знати, то в конце Периода Чжаньго – начале Династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) под влиянием северных кочевников сюнну они стали уделять большее внимание физической силе и скорости животных, нежели их расцветке. Так, если в «Эръя» перечислено 35 мастей лошадей, то в «Шовэнь цзецзы» их всего 25.

В это время в языке происходят обобщающие явления: сложные лексемы, изначально обозначавшие конкретное животное определенного окраса, стали употребляться не в предметном, а уже в качественном значении для описания любого животного данного цвета. Выше мы уже рассматривали этот процесс на примере лексемы 騂 xing, подобное явление происходит и с ИЦ 驪 li (далее – 驪).

Если первоначально 驪 li обозначал «коня чистого черного окраса», то после Периода Чжаньго происходит расширение его семантики. Так, например, ранее не было термина для обозначения быка черного окраса, существовали только лексемы 犛 gup («бык с черной мордой»), 抽 xiu («бык с черными глазами»), 犛 wei («бык с черными ушами»), 犛 quan («бык с черными ногами») [徐朝华 1987, с.349]. Аналогично, не существовало и единого термина для обозначения черного барана. Тем не менее, зафиксированы лексемы с градацией одновременно по окрасу и половому признаку: 羖 gu («черный баран») и 羖 yu («черная овца»), а также двусоставная лексема, образованная по атрибутивной модели – 夏羊 xia yang, обозначающая черную овцу или барана, однако не существовало емкой единой односоставной лексемы [徐朝华 1987, с.350; 徐朝华 2003, с.143;]. После Периода Чжаньго 驪 li переходит в разряд имен цвета и используется для описания животных черного окраса уже в составе биномов: 驪马 «li ma» («墨子, 小取») «черная лошадь» («Мо-цзы», раз-

дел «Сяоцзой»), 騮牛 «li niu» («庄子. 天下») «черный бык» («Чжуан-цзы», раздел «Тянься»), 騮羊 «li yang» («史记. 龟策列传») «черный баран» («Ши цзи», раздел «Гуйцэ лечжуань»), 騮驹 «li ju» («史记. 秦本纪») «двухгодовалый вороной конь» («Ши цзи», раздел «Цинь бэньцзи») и даже 騮龙 «li long» («庄子. 列御寇») «черный дракон» («Чжуан-цзы», раздел «Ле Юйкоу»).

В современном китайском языке ИЦ 騮 li встречается в составе топонима. В 30 км к востоку от города Сиань есть гора Лишань (騮山), название которой восходит ко временам династии Западная Чжоу. Гора эта – потухший вулкан, поросший сосново-кипарисовым лесом, и издалека напоминающая по своей форме лошадь. Поскольку сосново-кипарисовый лес на большом расстоянии выглядит черным, то отсюда и пошло ее название – «Гора Черного Коня».

Особую роль в развитии системы цветоименований в китайском языке сыграла лексема 騮 liu, первоначально обозначавшая красную лошадь с черными хвостом и гривой, то есть гнедую. Образовав сложное слово с лексемой 黄 huang «жёлтый», она выделилась в самостоятельное ИЦ – 騮黄 liuhuang и служила для обозначения сначала зеленовато-жёлтого, а затем коричневого цвета.

騮黄 liuhuang впервые встречается в «Шовэнь цзецзы» в варианте 留黄 liuhuang (без элемента «лошадь») при описании атраксона – травянистого растения семейства злаковых (蔴 li), где говорится, что качестве красителя он дает цвет 留黄 liuhuang. Комментатор «Шовэнь» времен династии Цин (1644–1911 гг.) Дуань Юйцай объясняет этот цвет через омофон 流黄 liuhuang («поток» + «жёлтый») как зеленовато-жёлтый, ссылаясь на словарь «Гуанъя», составленный Чжаном И в Период Троецарствия (220 – 280 гг. н.э.) [说文解字今释2001], а также приводит его вариант – 騮黄 liuhuang (с элементом «лошадь»), объясняя, что именно в таком написании он встречается в «Комментариях «Ли цзи» Хуан Каня (488 – 545 гг. н.э.) [辞海 1994]. По всей вероятности, 騮黄 liuhuang был часто употребляемым словом, потому и имел несколько вариантов написания.

Явление перехода названия масти лошади в разряд цветоименований с одновременной «заменой цвета» присуще не только китайскому языку. Известно, что лексема «голубой» в первых письменных источниках русского языка употреблялась только в качестве названия конской масти, а лексема «светлый» получила значение «светло-жёлтый» и «буланый», став названием масти животных [Василевич, Михайлова 2003, с.299]. В. И. Даль, давая дефиницию «голубого», отмечал: «... в ниже-

городской губернии голубым иногда народ зовет жёлтый цвет; замечательно, что цвета эти противоположны».

Примечательно, что в китайском языке процесс выделения цветоименования 骝黄 *liuhuang* на этом не остановился. Кроме значения «зеленовато-желтый», он также приобретает значение «коричневый». Связано это с теорией «пяти стихий» и соответствующих пяти цветов. Толкование этой теории первоначально происходило только по принципу «взаимного порождения» (相生 *xiang sheng*), но в XIII в. неоконфуцианец Сюй Цянь предложил принцип «взаимного покорения» (相克 *xiang ke*):

«Огонь покоряет (плавит) Металл. Красный и белый дают розовый.

Металл покоряет (рубит) Дерево. Белый и зеленый дают бирюзовый.

Дерево покоряет (пробивает ростками) Землю. Зеленый и желтый дают светло-зеленый.

Земля покоряет (впитывает) Воду. Желтый и черный дают цвет *liuhuang*.

Вода покоряет (тушит) Огонь. Черный и красный дают фиолетовый» [Сычэв, Сычэв 1975, с.24].

Комментатор Ян Шэнь времен династии Мин (1368 – 644 гг.) поясняет: «Цвета пяти стихий – основные (正色 *zheng se*), цвета, образующиеся в процессе взаимного покорения стихий – смешанные (间色 *jian se*) [刘云泉 1990, с.192]. 骝黄 *liuhuang*, таким образом, входил в систему цветовых обозначений пяти цветов в качестве одного из «смешанных». Но если практически все словари и другие источники дают исчерпывающие определения прочих «смешанных» цветоименований, то в случае с 骝黄 *liuhuang* мы можем опереться только на приведенное выше определение 骝 *liu* как гнедой лошади (т.е. красной с черными хвостом и гривой) в сочетании с лексемой 黄 *huang* «желтый» что, в принципе, подходит под определение «буланный» (см. примеч. 2). Сопоставив все составляющие, обнаруживаем, что 骝黄 *liuhuang* обозначал цвет, полученный в результате смешивания красного, желтого и сравнительно небольшого количества черного, что в норме дает коричневый цвет, в связи с чем мы предлагаем дефиницию 骝黄 *liuhuang* как «коричневого». В констатации факта 骝黄 *liuhuang* в качестве «коричневого» мы не единственны [Baxter 1983, с.8].

Современные китайские словари, как правило, не упоминают о цвете 骝黄 *liuhuang*. Единственное исключение – словарь «Цыхай», который отсылает к омофону 留黄 *liuhuang*, где тот, в свою очередь, трактуется как «желтый, близкий к зеленому».

В «Большом китайско-русском словаре» под ред. И.М. Ошанина 驢黃 *liuhuang* не упоминается, тем не менее, присутствует всё тот же омофон 留黃 *liuhuang* (без элемента «лошадь») в аналогичном значении «зеленовато-жёлтый, салатный [цвет]». Фиксация его в значении «коричневый» ни в одном из словарей нами обнаружена не была.

Примечания

- ¹ В древнекитайском языке быки буйвол обозначались общим иероглифом 牛 *niú*.
- ² Для сравнения укажем некоторые соответствия с описанием окрасов лошадей в русском языке [Ожегов 1981]: *Вороной* – чёрный. *Гнедой* – красновато-рыжий с чёрным хвостом и гривой. *Соловьи* – желтоватый со светлым хвостом и светлой гривой. *Пегий* – пятнистый, пёстрый. *Кауры* – светло-каштановый, рыжеватый. *Чубарый* – с тёмными пятнами по светлой шерсти или вообще с пятнами другой шерсти. *Буланый* – светло-жёлтый с чёрным хвостом и гривой.

Литература

- БКРС – Большой китайско-русский словарь, тт. 1-4 / Под ред. И.М. Ошанина. М.: Наука, 1983. 1066 с.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1981. 816 с.
- Василевич А.П., Михайлова Т.А. Лазурь и пурпур. Чему учит история терминов цвета // Российская наука: «Природой здесь нам суждено». М.: Октопус-Природа, 2003. С. 296-304.
- Михайлова Т.А. «Красный» в ирландском языке: понятие и способы его выражения // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 118-128.
- Сычёв Л.П., Сычёв В.Л. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М.: Наука, 1975. 132 с.
- Baxter W.H. III. A look at the history of Chinese color terminology // Journal of the Chinese Language Teachers Association. 1983. Vol. XIX. №2. P. 1-26.
- Wang Tao. Colour Terms in Shang oracle bone Inscriptions // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1996. Vol. 59. № 1. P. 63-101.
- 辞海 (2册). –北京: 中华书局, 1994. 3612 页.
- 古今汉语词典. –北京: 商务印书馆, 2004. 2046 页.
- 汉字形义分析字典. –北京: 北京大学出版社, 1999. 736 页.
- 说文解字今释 (2册) / (东汉) 许慎著; 汤可敬撰. 长沙: 岳麓书社, 2001. 2470 页.
- 刘云泉. 语言的色彩美. –合肥: 安徽教育出版社, 1990. 246 页.
- 罗常培. 语言与文化. –北京: 北京出版社, 2003. 220 页.
- 徐朝华. 尔雅今注. –天津: 南开大学出版社, 1987. 360 页.
- 徐朝华. 上古汉语词汇史. –北京: 商务印书馆, 2003. 328 页.
- 张清常. 汉语的颜色词 (大纲) // 语言教学与研究. 1991 年. 第 3 期. 第 63-80 页.

Галямина Ю.Е., Казакевич О.А.,
Рудницкая Е.Л., Будянская Е.М.,
Вахонева Д.М.

О приложимости различных моделей описания языка к реальному языковому материалу (на примере кетского глагола)¹

0. Введение в контекст

Всякое описание элементов языковой структуры, независимо от степени формализации этого описания², представляет собой модель³. Очевидно, что модель не равна моделируемому объекту, а отражает наше об этом объекте представление⁴. Об одном и том же объекте могут возникать разные представления и, соответственно, могут строиться разные модели этого объекта.

Тема статьи возникла из прикладной задачи морфологического индексирования кетских текстов в ходе подготовки их к изданию. Тексты, с которыми мы работаем, записаны в не слишком детализированной фонетической транскрипции, полученной в ходе расшифровки аудиозаписи с помощью носителей кетского языка и затем уточненной при многократных повторных прослушиваниях. Казалось бы очевидным, что перед началом морфологического индексирования (глоссирования) словоформ текста надо перевести текст в фонематическую запись: все современные описания кетской морфологии сделаны на базе фонематической транскрипции. Однако у каждого из авторов этих описаний свое представление о кетской фонологической системе и фонетических процессах, возможных в кетской речи сегодня, а также имевших место в истории языка. Таким образом, не только морфологическое индексирование текста, но и переход от фонетической записи текста к фонематической может быть сделан только после выбора опорной модели описания морфологии.

Переход от фонетической записи к фонематической сам по себе нетривиален. Причины тому две. Во-первых, большая степень вариативности произнесения словоформ не только

разными информантами-носителями одного диалекта, но и одним и тем же информантом, что свойственно устной речи вообще, а устной речи в языке без письменной традиции и какого-либо внешнего нормирования – в еще большей степени. Во-вторых, кетский язык интенсивно вытесняется из употребления русским, а в ситуации языкового сдвига ускоряются процессы языковых изменений (иногда это называют деградацией языка), так что в одно и то же время в разных поколениях можно наблюдать разные стадии развития этих процессов, что повышает фонетическую (и грамматическую) вариативность.

Множественность существующих моделей и аппаратов описания среди прочего обусловлена вариативностью языков, и в частности глагола: по морфологическому типу (изолирующие, агглютинативные, фузионные), по типам модели согласования [Кибрик 2003, с. 126-187] и т.д.

Кетский язык – последний представитель енисейской семьи – не обойден вниманием лингвистов. Если кетская именная морфология не представляет особых сложностей, глагольная морфология чрезвычайно сложна и запутана. С середины XX века было предложено несколько альтернативных моделей описания структуры кетской глагольной словоформы. В связи с этим имеется возможность выбора.

1. Порядковые модели описания кетского глагола

Кетская глагольная словоформа описывается с помощью грамматики порядков⁵ [Буторин 1995, 1999], либо порядковой модели с элементами словесно-парадигматической модели [Крейнович 1968], [Решетников, Старостин 1995], [Werner 1997], [Вайда, Зинн 2004], [Vajda 2004, 2005]. Для подробного рассмотрения и сравнения с точки зрения возможности использования в качестве инструмента при анализе текстов мы выбрали два описания – [Вайда, Зинн 2004; Vajda 2004] и [Решетников, Старостин 1995]. Оба эти описания кетского глагола – порядковые модели с элементами словесно-парадигматической модели. Описание глагольной словоформы строится из:

- приписывания ее к той или иной парадигме,
- описания парадигмы через порядковую модель

В таблице 1 сопоставлены упрощенные схемы глагольной словоформы по моделям Вайды и Решетникова-Старостина⁶.

Табл. 1

Вайда									
П8	П7	П6	П5	П4	П3	П2	П1	П0	П-1
валент- ность	инкорпо- рант	валент- ность	уточнитель	дуратив или валент- ность	валент- ность	время или наклонение	валент- ность	основа	валент- ность
Решетников, Старостин									
7	6	5	4	3	2	1	0	-1	
агентив	модификатор	датив	детерминатив	тематический гласный	объектив (пере- движение из 1)	время	объектив	ядро	агентив (чис- ло)

В обеих моделях выделяется позиция основного корня (П0/0) и позиция для второго корня (П7/6), который участвует в образовании сложной основы. Позиции П4 и П2 у Вайды и, соответственно, 3 и 2 у Решетникова, Старостина не совпадают по распределению маркеров (а П4 и 3 – и по семантике). Так, по Вайде: П4 – показатель дуратива (-а- в настоящем времени и -о- в прошедшем) и П2 – показатель времени -il-, -in-. По Решетникову-Старостину: 3 – тематический гласный (два типа спряжения а/о и Ø/i), а 2 имеет вид -l-, -n-. Пример (1) из текста келлогского информанта 2005 г.

- (1) *d-isqo-o-l-bet-in*
 (V) S1⁸-рыбалка⁷-Dur⁴-Past²-делать⁰-SPI⁻¹
 (PC) A1-Mod-Tem-Past-делать-API
 мы рыбачили

У глагола 'рыбачить' сложная основа: -is-qo- ('рыба-добывать') в позиции П7/6 и -bet ('делать') в позиции П0/0. Согласование с субъектом идет по агентивному ряду: показатель лица *d-* в позиции П8/7, показатель числа -il- в позиции П-1/-1. Гласный -o- в позиции П4/3 Вайда считает показателем дуратива, а в модели Решетникова-Старостина это тематический гласный. Формант -l- в П2/2 – показатель прошедшего времени.

Позицию П5/4 занимают форманты, значение которых в обеих моделях считается до конца не выясненным. Вайда

называет их уточнителями, которые вносят дополнительное значение в семантику корня. Например, у Вайды: *k* (не лабиализующий последующий гласный в позиции П6) – адессив (движение, направленное на субъект), *k* (лабиализующий гласный в П6) – аблатив (движение вверх или от субъекта), *t* – суперэссив (контакт с поверхностью), *ɲ* – движение вокруг объекта, – а Решетников, Старостин считают те же самые элементы (*k*, *t*, *ɲ*) дативными детерминативами. Рассмотрим пример (2) из [Vajda 2004] (в морфонологической записи):

- (2) *bo-k-b-huɲ*
 (В) S1Sg⁶-**Abl**⁵-Caus³-скользить⁰
 (РС) D1Sg-**Det**-O'-скользить
 я поскользнулся

Глагол 'поскользнуться' согласуется с субъектом действия по дативному ряду (-*bo*- П6/5), и по модели Решетникова-Старостина формант -*k*- в позиции П5/4 обусловлен именно наличием этого согласования; Вайда приписывает -*k*-семантику аблатива. Формант -*b*- в позиции П3/3 в (2) Вайда интерпретирует как произвольный каузатив, а в модели Решетникова-Старостина это показатель квази-объективной конструкции А.7 Корень -*huɲ* – в позиции П0/0.

В обеих моделях выделяется три основные согласовательные позиции: П8/7 – во всех описаниях признается позицией агенса⁸; П6/5 – считается «абсолютивной» позицией по [Вайда, Зинн 2004], «дативной» позицией по [Решетников, Старостин 1995]; П4/3-П3/3-П1/1 – рассматриваются как (альтернативные) позиции пациенса.⁹ Пример (3) из [Решетников, Старостин 1995, с. 36] иллюстрирует агентивно-объектное согласование:

- (3) *d-in-kaɲ-tān*
 (В) S1⁸-Past²-Obj2Pl¹-опоясать⁰
 (РС) A1Sg-{Tem-Past}-O2Pl-опоясать
 я вас опоясал

Глагол 'опоясать' согласуется с субъектом по агентивному ряду (*d*- П8/7) и с объектом по объективному (-*kaɲ*- П1/1). Формант -*ɲ*- Вайда рассматривает как один показатель (прошедшего времени), а Решетников, Старостин разбивают его на два показателя: -*i*- (тематический гласный) и -*ɲ*- (прошедшее время). Корень -*tān* стоит в П0/0.

По Вайде, глагольная словоформа может согласовываться с одним или двумя актантами («непереходные» и «переходные» глаголы); Решетников, Старостин [1995, с. 66] допускают трехактантное согласование (агентив, датив и пациенс) у глаголов

типа 'дать', 'бросить' (в кого-л.). У таких глаголов заполнены согласовательные позиции П8/7 (агенс), П6/5 (датель) и П3/3 (пациенс), однако показатель в позиции П3 «усеченный»: независимо от класса пациенса употребляется $-b^3-$ (O3SgTh³). Так, в примере (4) из [Вайда, Зинн 2004, с. 57] $-b^3-$ употребляется вместо объектного показателя $(-s/j)a^1-$ (O3SgM/F¹), соответствующего «реальному» пациенсу ('дочь')¹⁰. Собственно, в [Решетников, Старостин 1995] также признается, что случаи трехактантного согласования выглядят несколько ущербно.

- (4) *bū* *tē't* *qímdìl* *daávàq*
она муж женщина.ребенок дает
[da⁸-a⁶-b³-aq⁰]
[S3SgF⁸-Obj3SgM⁶-ApI³-дать⁰]
Она дает дочь своему мужу [глагол не согласуется с существительным 'дочь']

В глагольной словоформе нет единой позиции объектива. Это видно по словоформам прошедшего времени (показатель настоящего времени нулевой): показатели объектива 3 лица и 1, 2 лица занимают разные слоты относительно показателя времени. Вайда в своем описании изначально закладывает для соответствующих показателей три отдельные позиции (П1, П3, П4), а Решетников, Старостин [1995, с.37] говорят о смене позиции показателями объектива 3 лица. Кроме того, Решетников, Старостин подробно рассматривают показатели кореферентного объектива, стоящие в позиции объектива, но согласующиеся с тем же актантом, что и агентивный показатель («двойное согласование») – см. сноску 13 и п. 2.4.

Формант $-a/-o-$ с чередованием по времени (см. выше) Решетников, Старостин считают показателем спряжения (наряду с показателем $-i-$), в то время как Вайда полагает, что гласный $-i-$ – часть показателя прошедшего времени $-in-$, $-il-$.

2. Сравнение языковых моделей по заданным критериям

Для решения практической задачи выбора одной из двух теорий при описании текстов не имеет смысла исходить из чисто эпистемологических предпосылок, предлагаемых представителями релятивистского подхода в философии науки.¹¹ Более продуктивным представляется опора на инструменталистскую парадигму, в рамках которой теория признается верной, если она более пригодна для решения практической задачи. Сравним две модели описания кетского глагола исходя

из некоторых критериев, разработанных Т. Куном [Kohn 1977], которые в данном случае кажутся нам релевантными.

- Охват и глубина анализа материала
- Степень соответствия фактам и предсказательная сила
- Степень соответствия научной парадигме
- Простота

2.1. Охват и глубина анализа материала

В целом модель [Вайда, Зинн 2004; Vajda 2004] охватывает больший объем материала и дает более подробное описание. Например, словарь [Вайда, Зинн 2004] (составлен на базе южнокетского диалекта) включает 673 глагольные лексемы, для 362 из которых (основная глагольная лексика) дается морфологический разбор ряда словоформ¹². В этом отношении модель Решетникова-Старостина [Решетников, Старостин 1995], также построенная на материале южного диалекта, уступает модели Вайды: хотя авторы учитывают богатый материал Е.А. Крейновича [Крейнович 1968] (суломайский говор), добавляя свой собственный материал (келлогский говор), непосредственно в работе проанализировано гораздо меньшее количество глаголов.

Однако проблема не только в объеме рассмотренного языкового материала, но и в том, насколько глубоко анализируются факты, и в этом отношении обе модели не всегда оказываются на высоте. Например, ни Вайда, Зинн [2004], ни Решетников, Старостин [1995, с. 55, 58-59, 68], говоря о ситуации, когда несколько показателей согласуются с одним и тем же актантом (П8=П6, П8=П1)¹³, не дают исчерпывающего объяснения «двойного» согласования. В некоторых случаях (например, в непереходных глаголах) это может объясняться «избыточностью» согласовательных позиций, а не семантическими причинами¹⁴ – ср. аналогичное явление в некоторых кавказских языках [Кибрик 2003, с. 425-427].

2.2. Степень соответствия фактам и предсказательная сила

Соответствие фактам – это то, насколько теория соответствует ранее найденным фактам (собранным авторами и их предшественниками парадигмам и текстам). Предсказательная сила – способность теории строить предсказания, которые могут быть впоследствии подвергнуты процедуре фальсификации [Поппер 1983].¹⁵ По этим критериям у обеих моделей не очень высокие результаты оценки, в том числе и в связи с тем,

что сейчас осталось очень небольшое количество носителей кетского языка, высока вариативность используемых форм, и многие современные информанты уже не в состоянии построить зафиксированные ранее парадигмы. Работает и фактор развития языка (лексикализация, утеря обязательности и регулярности глагольных грамматических категорий – см. [Vajda 2005]). При построении своей модели Решетников, Старостин пытались опираться в основном на примеры, зафиксированные по нескольким источникам, однако и эти примеры не всегда поддавались унифицированной трактовке.

Авторы обеих моделей уделяют явно недостаточно внимания правилам фонетического, фонологического и морфонологического варьирования. При работе с кетскими текстами, записанными в последнее десятилетие, мы нередко обнаруживаем словоформы, появление которых в рамках рассматриваемых моделей трудно объяснить. Собственно, Решетников, Старостин [1995] и сами признают, что изучение (мор)фонологических чередований в кетском языке находится в зачаточном состоянии. Данные проблемы оказываются периферийными для авторов обеих моделей, в центре их внимания – поиски семантической обусловленности моделей управления глагольных лексем.

Остановимся более подробно на механизме глагольного согласования и его трактовке в обеих моделях. Как отмечалось в п. 1, обе модели выделяют три основные согласовательные позиции (П8, П6 и П4/П3/П1 по Вайде). П8 – агентивная позиция, П4/П3/П1 – пациентивная. Относительно П6/5 рассматриваемые теории расходятся: Вайда [Вайда, Зинн 2004] называет П6 «абсолютивной» позицией (более синтаксическая трактовка этой позиции), а Решетников, Старостин [1995] – «дативной» позицией (ролевая трактовка).

«Дативная» (ролевая) трактовка до некоторой степени отражает семантическую специфику глагольной лексики: и по [Решетников, Старостин 1995, с. 51-52, 64], и по [Вайда, Зинн 2004, с. 36], непереходные глаголы с согласованием субъекта в П6/5 в основном неагентивные, то есть их субъект не является агенсом (это глаголы движения, восприятия и т.д.). При двухактантном глаголе показатель в П6 обычно соответствует дополнению с такими ролями, как 'стимул' или 'бенефактив' (см. «глубинные падежи» в работе [Филлмор 1981/1968]), которые во многих языках выражаются дативом – 'смотреть', 'протянуть'.

Однофакторное (например, ролевое) детерминирование модели управления глагола в общем случае повышает степень

предсказательной силы теории. Однако модель управления (или схема согласования) кетского глагола определяется не только ролями актантов этого глагола, но в большой степени и другими факторами. Один из важных факторов – одушевленность актантов, см. сноску 8, другой фактор – возможность «лексикализации» модели управления (см. п. 2.3). Собственно, слабая предсказуемость модели управления кетского глагола признается авторами обеих теорий. Как указывается в словаре [Вайда, Зинн 2004, с. 206, 214], (квази)синонимичные глаголы, актанты которых, казалось бы, имеют одинаковые роли, могут спрягаться по разным моделям (пример (5)). Решетников, Старостин [1995] также отмечают, что их наименования актантных согласовательных позиций в глаголе – не более чем ярлыки.

- (5) а. *dingutet*
 $d(u)^8-in^2-ku^1-tet^0$
 (В) S3SgM⁸-Past²-Obj2Sg¹-бить⁰
 он тебя **бил**

Показатель объекта ('тебя') стоит в позиции пациенса П1.

- б. *(t)ko:nkutaviltet*
 $d(u)^8-ko:/n^7-ku^6(-*k^5)-t/a^4-b^3-il^2-tet^0$
 (В) S3SgM⁸-кулак/Pl⁷-Obj2Sg⁶-Ads⁵-Dur⁴-Ints³-Past²-бить⁰
 он тебя **бил кулаком** (итератив)

Показатель объекта ('тебя') стоит в позиции абсолютива П6 (по Вайде) / датива (по Решетникову-Старостину)¹⁶.

Вайда предлагает усилить фактор предсказуемости за счет фактора простоты, выделяя пять основных типов спряжения ([Вайда, 2006] – 7 типов), а также большое количество подтипов. Тот или иной подтип – индикатор, который необъяснимым образом приписывается тому или иному глагольному значению (ср. тридцать одну «продуктивную основообразующую формулу» в [Вайда, 2006]). Согласно [Vajda, 2005], такая система сложилась в результате исторического развития кетского языка. Мы видим, что попытки сделать теорию более предсказуемой делает ее более сложной.

Для активного, работающего языка можно утверждать, что количество порождаемых на нем не только текстов и предложений, но и просто словоформ бесконечно; с кетским складывается иная ситуация. Параллельно с языковым сдвигом (переходом кетской языковой общности на русский язык) в кетском языке идет активное разрушение функционировавшего еще несколько десятилетий назад морфологического механизма,

так что набор порождаемых информантами словоформ ограничен¹⁷. В такой ситуации фактор предсказуемости может быть обеспечен только за счет составления в рамках той или иной теории полного парадигматического словаря.

2.3. Соответствие научной парадигме.

Как уже говорилось, кетский глагол описывается большинством лингвистов в терминах грамматики порядков с элементами словесно-парадигматической модели [Vajda 2005], однако он плохо поддается унифицированной трактовке, и его трудно уложить в уже существующие типы языков. Как отмечается в статье [Которова, Нефедов 2006], кетская глагольная группа, в отличие от именной, строится преимущественно по принципу маркирования вершины (head-marking). Э. Вайда [Вайда 2006], полемизируя с С.С. Буториным [Буторин 1999], (на наш взгляд, не вполне обоснованно – см. п. 2.2) заключает, что по стратегии глагольного согласования кетский язык нельзя приписать ни к какому типу ролевых языков [Кибрик 2003, с. 126 и далее] – подробнее см. п. 2.2.

«Деривационная» модель построения глагольной словоформы [Тестелец 2004] описывает кетские глаголы только фрагментарно из-за сильной лексикализации детерминативов / уточнителей – см. комментарии к примеру (2), пример (4) и сноску 10 в п. 1. Как показывает пример (6) из словаря [Вайда, Зинн 2004, с. 63], залог / диатеза часто маркируется в глаголе через (словообразовательный) суффикс, а так называемый «каузатив» -q⁵-, сильно лексикализированный, присутствует и в «переходной» (а), и в «непереходной» (б) диатезе.

- (6) а. *datókwǰijŋqírìt*
da⁸-toqojŋ⁷-q⁵-di¹-t⁰
(В) S3SgF⁸-сушить⁷-Caus⁵-Obj1Sg¹-однократный.переходный⁰
она начинает **меня обсушивать**
- б. *datókwǰijŋqísàtn*
da⁸-toqojŋ⁷-q⁵-(s)-a¹-(t-n)⁰
(В) S3SgF⁸-сушить⁷-Caus⁵-(Sep)-S3Sg.coref¹-однократный.непереходный⁰
она начинает **обсушиваться**

2.4. Простота

В системе кетского глагола есть несколько моментов (помимо упомянутых в п. 2.3), описание которых ни в работе [Решетников, Старостин 1995], ни в работах Вайды нельзя назвать

удовлетворяющими критерию простоты. Рассмотрим подробнее показатели объектива (см. п. 1). Выше уже говорилось, что в модели Вайды показатели 3 лица объектива описываются как стоящие в позиции перед временным показателем *-il-*, *-in-*, а в модели Решетникова-Старостина тот же языковой факт описывается динамически как передвижение показателей 3 лица объектива в позицию перед показателем времени (то есть практически теми же *-l-*, *-n-*) из позиции за этим показателем, характерной для показателей объектива 1 и 2 лица (см. таблицу 2).

Табл. 2 [Решетников, Старостин 1995, с. 75]

d-á-b-i A1Sg-Tem-O3SgTh-точить я это точу	d-ó-b-n-i A1Sg-Tem-O3SgTh-Past-точить я это точил
d-a-b-í A1Sg-Tem-O3SgTh-укладывать я это укладываю	d-ó-b-l-i A1Sg-Tem-O3SgTh-Past-укладывать я это уложил

Из примеров, приведенных в таблице 3, видно, что показатель объектива *-b-* занимает позицию между тематическим гласным и показателем претерита. Однако в случае *i*-спряжения в модели Решетникова-Старостина приходится отдельно оговаривать, что тот же показатель *-b-* (O3SgTh) передвигается в позицию перед тематическим гласным *-i-*.

Табл. 3

dɔ-b-a A3SgF-O3SgTh-есть она это ест	da- b -i-l-a A3SgF-O3SgTh-Tem-Past-есть Она это ела
--	--

Аффиксы O3SgM,F и O3Pl не показательны в плане позиции объектива относительно тематических гласных:

- (7) [d]-taχ-**aŋ**-u-l-a-n
A3M-бить-O3Pl-?-Past-бить-APl
они их ударили

Вайда выделяет две позиции для показателя объектива 3 лица: 3sgM,F в П4 и 3sgTh в П3 (у Решетникова, Старостина формулируется одно правило передвижения показателя объектива 3 лица). При этом оказывается, что позиция П4 в модели

Вайды может быть занята либо показателем дуратива, либо показателем объектива. Отметим, что выделение одной и той же позиции для аспектуального и согласовательного показателей представляется нелогичным.

3. Заключение: «темные» места моделей и перспективы развития теории

В описании Решетникова, Старостина отмечается, что в показателях O3SgM,F и O3Pl происходит чередование *a/o* в зависимости от временной характеристики глагольной словоформы. При этом авторы указывают, что «причина данного чередования, явно не обусловленного никакими фонетическими факторами, до сих пор не выяснена» [Решетников, Старостин 1995, с. 37]. Обратим внимание на симметрию между показателями множественного числа объектива – *d-aŋ* (O 1Pl), *k-aŋ* (O2Pl) и *-aŋ* {*a*} / *-oŋ* {*o*} (O3Pl) – и на то, что чередование есть только в 3 лице объектива, который при этом всегда передвигается в позицию перед показателем времени. Это наводит на мысль, что изменение, возможно, происходит под влиянием некоторого форманта, который в данном случае на фонетическом уровне не выражен. В обеих моделях выделяется формант *-a/-o-* с чередованием по времени, однако его интерпретация как дуратива (Вайда) или тематического гласного (Решетников, Старостин) не позволяет говорить о присутствии этого показателя во всех глаголах, тогда как чередование в показателях объектива 3 лица представлено во всех без исключения глаголах с этими показателями. Здесь интересно заметить, что Решетников, Старостин в случаях агентивно-объектного согласования говорят о «контаминации» типов спряжения: глагол *i*-спряжения при наличии показателя объектива 3 лица начинает спрягаться по *a*-спряжению. В модели Вайды форманты *-a/-o-* и *-i-* не разделяют глаголы на два класса, поэтому наличие в парадигме одного и того же глагола и гласного *-i-*, и чередования *-a/-o-* в показателях 3 лица объектива не вызывает противоречий и не требует дополнительных комментариев. Зато Вайде приходится объяснять частые случаи отсутствия *-i-* в формантах *-in-*, *-il-* фонетическими процессами.

Как мы видим, обе теории – и Решетникова, Старостина, и Вайды – не могут полностью удовлетворить заданным критериям. Все «недоработки» моделей описания выходят наружу, как только мы начинаем рассматривать модели как инструменты анализа конкретного языкового материала. Возможно, реше-

ния, которые будут приниматься в процессе анализа (а наша задача морфологического индексирования корпуса кетских текстов в конце концов заставит нас по каждой конкретной словоформе принять то или иное решение) дадут толчок к дальнейшему развитию теории – окончательного выбора модели, которая будет взята в качестве отправной точки анализа, мы пока так и не сделали.

Примечания

- 1 Статья подготовлена в рамках проекта «Изменяющаяся Россия в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков», грант РГНФ 07-04-00332а.
- 2 Максимальной формализации требуют описания, используемые в системах автоматического понимания текста, которым посвящена новая книга Н.Н. Леонтьевой [Леонтьева 2006].
- 3 Утверждение, кажущееся теперь вполне тривиальным, впервые было сформулировано К.Ф. Хокеттом более полувека назад [Hockett 1954]. О том, как понятие модели входило в лингвистику, см. [Чжао Юань-жень 1965/1962].
- 4 См. [Шрейдер 1971]. В данной статье мы употребляем разводимые Ю.А. Шрейдером термины *теория* и *модель* как синонимы (ср. [Чжао Юань-жень 1965, с. 288]).
- 5 О грамматике порядков см. [Алпатов 1979], [Ревзин, Юлдашева 1969], [Пинес 1970].
- 6 Мы используем следующие сокращения. **1.** В примерах (варианты грамматического разбора): PC – Решетников, Старостин; В – Вайда; П1/1 – Позиция по Вайде / позиция по Решетникову-Старостину. **2.** Глоссы: S – Субъект (Вайда); Obj – Объект (Вайда); A – Агентив (Решетников-Старостин); D – Датив (Решетников-Старостин); O – Объектив (Решетников-Старостин); O' – Показатель квази-объектной конструкции (Решетников-Старостин); coref – Кореферентный согласовательный показатель; Sg - Единственное число; Pl – Множественно число; M – Мужской класс; F – Женский класс; Th – Неодушевленный класс; Mod – Модификатор (Решетников-Старостин); Det – Детерминатив (Решетников-Старостин); Abl – Аблатив (Вайда); Caus – Каузатив (Вайда); Apl – Аппликатив (Вайда); Ads – Адессив (Вайда); Ints – Интенсив (Вайда); Dur – Дуратив (Вайда); Tem – Тематический гласный (Решетников-Старостин); Past – Прошедшее время; Sep – Сепаратор (Вайда).
- 7 На примере (2) видно, что Вайда стремится всем элементам словоформы приписать конкретные значения, из которых будет скла-

- дываться значение всей словоформы (по принципу композициональности). Модель Решетникова-Старостина более абстрактна (более формальна): в (2) формант $-b^3$ - является показателем одной из двух выделяемых авторами квази-объективных конструкций. Семантика этой конструкции, как кажется, включает в себя интерпретацию $-b^3$ - как непроизвольного каузатива. См. также сноску 10.
- 8 В [Вайда, Зинн 2004, с. 33, 118] также отмечается, что важный фактор, влияющий на согласование в позиции П8, даже если субъект не является агенсом – одушевленность, ср. *kúnǎ* [ku⁸-in²-qo⁰] [S2Sg⁸-Past²-умереть⁰] 'ты умер' и *b(inb)ilaq* [bin⁷-b³-il²-aq⁰] [сам_по_себе⁷-Obj³-пр.вр²-гнить⁰] 'это сгнило'.
 - 9 Позиция П-1/-1 несамостоятельна, заполняется только вместе с позицией П8/7; позиции П4/3, П3/3 и П1/1 не заполняются одновременно в одной словоформе, см. п. 2.4.
 - 10 Авторы работы [ср. Вайда, Зинн 2004], называют $-b^3$ - в (4) показателем аппликатива, а не морфологического согласования, то есть рассматривают его как словообразовательный, а не словоизменятельный аффикс: $-b^3$ - увеличивает число синтаксических валентностей глагола 'дать' ('пациенс' в добавление к 'агенсу' и 'бенефактиву', с которыми глагол согласуется).
 - 11 Мы имеем в виду Куайна, Лакатоса, Фейерабенда, утверждавших, что теория более обусловлена категориями нашего разума, чем фактами [Томпсон 2003].
 - 12 В настоящее время в Томском государственном педагогическом университете ведется работа над Большим словарем кетского языка, который будет включать материалы всех кетских диалектов – см. [Которова, Нефедов 2006].
 - 13 В этом случае в позиции пациенса / объекта выступают не стандартные, а «коррелятивные» / квази-объектные согласовательные показатели – [Решетников, Старостин 1995, с. 46], см. п. 1; в терминах Вайды – коррелятивно-абсолютное и коррелятивно-инактивное спряжение.
 - 14 Решетников, Старостин [1995, с. 42, 46] объясняют некоторые случаи «двойного» согласования с помощью квази-объектных показателей через их «непереходную» / «пассивную» (детранзитивизирующую) функцию – см. пример (76).
 - 15 В случае конкретного языка наглядный пример предсказания – построение информантом словоформы с заданным смыслом. Если данная теория может предсказать именно такую словоформу в данном контексте (синтаксическом и дискурсном), она обладает высокой степенью предсказательной силы.
 - 16 Различие между немного более агентивным 'бить' и немного менее агентивным 'бить кулаком' (итератив) улавливается с помощью детализированной шкалы транзитивности по [Hopper, Thompson 1980].
 - 17 Исключение составляют информанты старшей возрастной группы, которых осталось крайне мало.

Литература

- Алпатов В.М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, 1979.
- Буторин С.С. Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения. Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1995.
- Буторин С.С. О позиционных падежах в кетском языке // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Уфа; Томск: 1999. С. 37-44.
- Вайда Э., Зинн М.А. Морфологический словарь кетского глагола (на основе южно-кетского диалекта) / Ред. Которова Е.Г. Томск: ТГПУ, 2004.
- Вайда Э. Что такое «ролевой язык», и почему кетский таковым не является // Доклад на Чтениях памяти Е.А. Крейновича. Санкт-Петербург, 8 августа 2006 г.
- Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Которова Е.Г., Нефедов А.В. Типологические характеристики кетского языка; вершинное или зависимостное маркирование // Вопросы языкознания. 2006. № 5, С.43-56.
- Крейнович Е.А. Глагол кетского языка. М.: Наука, 1968.
- Леонтьева Н.Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы: учеб. пособие для студ. лингв. фак. вузов. М.: Академия, 2006.
- Поплер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
- Пинес В.Я. Моделирование структуры азербайджанского глагола в связи с проблемой автоматического словаря. Автореф. канд. дисс. М., 1970.
- Ревзин И.И., Юлдашева Г.Д. Грамматика порядков и их использование // Вопросы языкознания, 1969. №1.
- Решетников К.Ю., Старостин Г.С. Структура кетской глагольной словоформы // Кетский сборник: лингвистика. М., 1995. С. 7-121.
- Тестелец Я.Г. О трех моделях морфологической структуры // Доклад на Первой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 24-25 сентября 2004 г.
- Томпсон М. Философия науки. М., 2003.
- Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лексическая семантика. М., Прогресс, 1971. С. 369-495. (Перевод Fillmore Ch. The case for case // Universals in the linguistic theory / Bach E., Harms R.T. (eds.). N.Y.: Reinhart; Williams. 1968).
- Чжао Юань-жень. Модели в лингвистике и модели вообще // Математическая логика и ее применения. Сборник статей. Пер. с англ. М.: Мир, 1965. С. 281-292. (Перевод Chao Yuen Ren. Models in linguistics and models in general // Logic, methodology and philosophy of science / Nagel E., Supper P., Tarski A. (eds.). Stanford: Stanford University Press, 1962).
- Шрейдер Ю.А. О понятии «математической модели языка». М.: Знание, 1971.

*Ю.Е.Галымина, О.А.Казакевич, Е.Л.Рудницкая, Е.М.Будянская,
Д.М.Вахонева*

*Hockett C.F. Two models of grammatical description // Word. 1954.
V. 10. № 2-3. P. 210-234.*

*Hopper P.J., Thompson S.A. Transitivity in grammar and discourse // Lan-
guage. 1980. V. 56. № 2. P. 251-299.*

Kohn T. The Essential Tension. Chicago; London, 1977.

Vajda E. Ket. Muenchen: Lincom Europa, 2004.

*Vajda E. Distinguishing referential from grammatical function in morpho-
logical typology // Linguistic diversity and language theories /Fraj-
zyngier Z., Rood D., Hodges A. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John
Benjamins, 2005. P. 397-420.*

Werner H. Die Ketische sprache. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997.

Степень слитности частей как общее основание единой классификации сложных предложений

Задачи статьи

Классификация сложных предложений – одна из давно и активно исследуемых проблем русского синтаксиса. В ее постановку и изучение внесли большой вклад ученые разных поколений и взглядов (см., в частности, [Буслаев 1959, гл. 3; Богородицкий 1935; Пешковский 2001; Поспелов 1950; Бархударов, Колшанский 1958; Брызгунова 1963; Гвоздев 1968; Валимова 1967; Проспект 1967; Кручинина 1973; Крючков, Мексимов 1977]). Однако по сию пору классификации многообразных сложных предложений, возможных в русском языке, по существу, нет. К примеру, в наиболее фундаментальном учебнике русского языка для филологов даются три отдельных классификации для сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных предложений, построенные на разных основаниях ([Белошапкина 1977, § 81-94]).

Между тем, последовательное разграничение сочинения и подчинения, как указывал еще А.М.Пешковский [1959], связано в русском языке с определенными трудностями (ср. в этой связи также [Флоренская 1975]). Еще больше проблем в осмыслении бессоюзия (см., в частности, [Карцевский 2000; Ильенко 2003, с. 333 и указанную там литературу]). В то же время широко развернувшиеся в последние три десятилетия исследования текстового поведения синтаксических единиц, их коммуникативного функционирования, показали, что у трех раздельно рассматриваемых в классификации разновидностей сложных предложений немало объединяющих черт. «Общепринятая типология СП с ее генеральным противопоставлением сочинения подчинению» в этой связи стала вызывать, как отмечается в литературе, «теоретическую неудовлетворенность» [Ильенко 2003, с. 330].

Данная статья – попытка изложить некоторый подход к построению единой системной классификации сложных предложений. Являясь продолжением предшествующих работ автора [Флоренская 1977б, 1980, 1996], она в то же время существенно

развивает и по-новому систематизирует предложенные там понятия и методы.

Исходные позиции

Сложное предложение (далее – СП) с точки зрения его места в языковой системе занимает промежуточное положение между уровнем простых предложений (далее – ПП) и уровнем текста, где ПП объединяются в смысловые блоки.

В качестве переходной единицы СП сочетает в себе признаки обеих граничащих единиц: смысловая и грамматическая расчлененность частей СП сближает его со свободным сочетанием простых предложений (далее – СПП), а смысловое и грамматическое единство роднит его с ПП. СП, таким образом, обладает противоречивой, двуединой природой, сочетая в себе расчлененность структуры и смысла с их нерасчлененностью (цельнооформленностью).

Сочетание противоречивых начал в одной единице означает, что ни одно из этих начал не достигает в ней абсолютного предела, но может изменяться в границах, означенных этими пределами. Другими словами, можно утверждать, что слитность частей в СП всегда меньше, чем слитность слов и синтаксических групп в составе предложения, но больше, чем слитность ПП в свободном СПП; что степень слитности частей СП друг с другом может колебаться, приближаясь то к одному, то к другому пределу и что слитность частей – это тот признак, который отличает СП от единиц обоих пограничных уровней. Тем самым, степень слитности частей становится признаком, характеризующим самую суть СП, его специфику. На этом же признаке должна быть построена и классификация СП.

Систематическое сопоставление оформления СПП с оформлением СП, а также опыты последовательной трансформации СПП в СП, а СП в СПП¹ позволили установить факторы, из которых складывается такой неуловимый признак как «степень слитности». Такими факторами, на наш взгляд, являются:

1. **Тип соотношения лексических составов в СП и в СПП;**
2. **Принцип объединения ПП в СП** (далее называемый способом образования СП);
3. **Синтаксические отношения зависимости между частями СП** (сочинение, подчинение, а также взаимное подчинение, которые в свою очередь могут проявляться в слабых и сильных вариантах с помощью различных средств связи:

интонации, семантических или синтаксических союзов, показателей соотношения лексических составов).

Поясним содержание введенных понятий.

Типы соотношения лексических составов двух предложений в тексте и в СП

Как показал опыт трансформации СП в СПП и СПП в СП, для характеристики способа образования СП из СПП, а также для определения степени слитности частей в СП, важно не столько лексическое содержание ПП в исходном СПП или компонентов в СП, сколько более общий показатель лексической связи между этими ПП или его компонентами. Этот общий показатель связи составляющих СПП (или СП) на лексическом уровне был определен нами **как тип соотношения лексических составов**. Основные возможности соотношения двух единиц, как известно, исчисляются тремя случаями: исключения, включения и пересечения. Так определились основные типы соотношения лексических составов между двумя предложениями в СПП, а также между частями СП:

Тип включения

Два ПП в СПП (или две части в составе СП) находятся в отношениях включения лексических составов, если одно из них содержит с своим лексическим составе местоимение, «втягивающее» в себя содержание другого:

Мой подзащитный грешен. Это доказано.²

Его слова вселили такой страх, что в эту ночь в Вороньей слободке никто не спал.

Тип пересечения

Два ПП в СПП (или две части в составе СП) находятся в отношениях пересечения лексических составов, если их объединяет лексический повтор или местоименная субституция:

Были бы деньги. А они у нас есть.

Мухин хмурился: ему мешали воробы.

Тип исключения

Два ПП в СПП (или две части в составе СП) находятся в отношениях исключения лексических составов, если они не связаны ни лексическими повторами, ни «втягивающим» местоимением:

Лоханкин ничего не замечал. А бабушка не верила в страховку.

Шурин побежал к телефону, а новый вице-король Индии снял толстовку.

Сгорел мой саквояж, но остались вещи несгораемые.

Возможны и смешанные варианты соотношения лексических составов, например, сочетание включения с пересечением:

Обеды у Синицких были дешевые и вкусные.

Поэтому Александр Иванович столовался у них.

Основные способы образования сложных предложений

Еще в «Исторической грамматике русского языка» Ф. И. Буслаева было заявлено, что «соединение предложений в одно целое происходит двояким способом: 1) Или одно предложение составляет часть другого <...> 2) Или соединенные предложения не входят одно в другое в виде отдельной части и остаются самостоятельными». [Буслаев 1959, с. 279].

Первый способ образования СП Ф. И. Буслаев называл подчинением, второй – сочинением, считая, что принцип сцепления частей в СП вполне определяет вид синтаксической связи между ними. Однако исходным для Ф. И. Буслаева все же было понятие способа образования, т.е. **принципа сцепления частей** в СП, а не вид синтаксической зависимости между его частями. В ходе дальнейшего развития теории СП основополагающая идея Ф. И. Буслаева была отодвинута на второй план, и определяющим моментом в характеристике СП стал вид синтаксических отношений в нем: сочинительный или подчинительный.

Вернемся к способам образования СП, выдвинув принцип сцепления ПП друг с другом в качестве конституирующего признака деления СП на два основных класса. В таком случае весь корпус СП будет делиться на:

СП, образованные таким соединением предложений, при котором одно из них включается в структуру другого на правах некоторого его члена (СП, уподобляющие свое строение строению ПП);

СП, образованное таким соединением предложений, при котором ни одно из них не входит как часть в структуру другого (СП, уподобляющее свое строение строению сочетаний ПП в тексте).

Рассмотрим подробнее оба способа образования СП. Возможность реализации того или иного способа образования СП

находится в прямой зависимости от типа соотношения лексических составов в исходном сочетании ПП.

Синтаксический способ образования СП

Образование СП по принципу включения одного из предложений в структуру другого в качестве некоторого члена предложения возможно на базе лексических отношений включения или пересечения. Именно смысловая взаимосвязь исходных ПП, формально выраженная наличием «втягивающего» местоимения или лексического повтора, делает возможным синтаксическое подключение одного из предложений к определенному слову в другом, т.е. делает возможным создание одночленной структуры СП. Проследим за тем, как это происходит.

Возьмем для примера СПП с отношениями включения лексических составов:

Дом был обречен. Это было ясно.

В исходном СПП местоимение **это** «втягивает» в себя содержание первого предложения, так сказать, идеальным образом: связь между предложениями смысловая, формально выраженная, но грамматически не закреплённая (не обязательна). Форма ПП не нарушена ни в одном из аспектов грамматического значения: предложения, как коммуникативные единицы, обладают предикативностью, а также семантической, синтаксической и интонационной завершенностью [Шелякин 2002, с.211-212].

Действие описываемого способа образования СП проявляется в следующих изменениях оформления ПП: второе предложение, первоначально содержащее в своей структуре «втягивающее» местоимение (далее – ВМ), теряет его и возмещает образовавшуюся семантическую и синтаксическую незавершенность включением в свою структуру первого предложения, которое в результате слияния с союзом **что** приобретает синтаксически и семантически зависимую форму. Интонационная взаимозависимость обоих предложений довершает превращение ПП в части СП и образование СП из СПП:

а) *Дом обречен. Это было ясно.*

б) *Было ясно | | что дом обречен*

Семантическая зависимость ПП в СПП выраженная через соотношение лексических составов

Синтаксическая зависимость частей в СП закреплена грамматически через установление синтаксической связи между словом из одного предложения и другим предложением в целом.

Описанный способ образования СП получил рабочее название **синтаксического**, поскольку с его помощью смысловые отношения между ПП в СПП переводятся в синтаксические отношения, действующие внутри ПП (в отношении главных и второстепенных членов предложения). В СП синтаксического способа образования между частями могут устанавливаться исключительно подчинительные отношения. Структура СП, образованного синтаксическим способом, характеризуется следующими чертами:

- установление подчинительной связи между словом из одной части и другой частью в целом
- наличие или возможность введения ВМ в главную часть
- изменение формы включаемого предложения путем слияния его с чисто синтаксическими (асемантическими) средствами связи (союзами **что, чтобы, как**, союзными словами **который, кто, что** и т.д.)
- гибкость структуры.

Критерием отличия СП синтаксического способа образования служит наличие ВМ в главном предложении или возможности его введения туда, как контрольной операции, позволяющей определить, место какого члена предложения заняла придаточная часть в главном, вытеснив ВМ.

Грамматическое значение синтаксического способа образования СП состоит в том, что он, осуществляя синтез двух структур в одну, приводит к определенному ослаблению двучленности СП, обусловленной его полипредикативностью, а следовательно, и к ослаблению членности объединяемых смыслов: СП синтаксического способа образования характеризуется единством смысла, близкого к нечленимому смысловому единству ПП.

Семантический способ образования СП

Образование СП по принципу невключения одного из предложений в структуру другого, т.е. по принципу сохранения границ исходных ПП при их объединении, возможно на базе всех трех типов соотношения лексических составов. Установление синтаксических связей между частями в целом происходит или с помощью интонации, или с помощью семантических союзов, или с помощью показателей соотношения лексических составов, которые известным образом трансформируются. Проследим, как это происходит.

В качестве исходных возьмем СПП с различными соотношениями лексических составов:

✓ СПП с отношениями исключения:

Контора умерла. Мы здесь больше не нужны.

СПП данного вида допускает образование двух вариантов СП со структурой, подобной структуре СПП.

а) Синтаксическая связь между предложениями в целом устанавливается только с помощью интонации: оба предложения теряют интонационную завершенность, что является признаком превращения их независимой формы в грамматически зависимую. (Вопрос о принципах определенной грамматической зависимости в СП рассматривается ниже).

Контора умерла, мы здесь больше не нужны.

б) Синтаксическая связь между предложениями устанавливается не только с помощью интонации, но и с помощью семантического союза **так что**, который, сливаясь со структурой второго предложения меняет его форму, лишая ее семантической и синтаксической завершенности.

Контора умерла, так что мы здесь больше не нужны.

✓ СПП с отношениями включения:

Вы не умеете разговаривать с людьми. Я убедился в этом окончательно.

Из СПП данного вида возможно образование трех вариантов СП со структурой, подобной структуре СПП.

а) Синтаксическая связь между предложениями устанавливается не только с помощью актуализации интонации, но и с помощью устранения ВМ из первого предложения, что делает его форму семантически незавершенной, и, следовательно, грамматически зависимой.

Я окончательно убедился: вы не умеете разговаривать с людьми.

б) Синтаксическая связь устанавливается путем видоизменения ВМ и его актуализации с помощью частицы **вот**. Частица в данном случае не может быть устранена, что и говорит о грамматическом характере изменений, происходящих в оформлении СП по сравнению с оформлением СПП.

Я окончательно убедился вот в чем: вы не умеете разговаривать с людьми.

в) Синтаксическая связь устанавливается с помощью трансформации ВМ во втором предложении: **в этом – в чем**,

которая делает его форму синтаксически незавершенной, т.е. грамматически зависимой.

Вы не умеете разговаривать с людьми, в чем я окончательно убедился.

При действии описываемого способа происходят различные видоизменения формы исходных ПП: предложения становятся зависимыми в одном или сразу нескольких грамматических аспектах: интонационном, семантическом, синтаксическом. В результате этих изменений происходит синтаксическое подключение одного предложения к другому, и образуется СП т.н. расчлененной структуры с разными видами зависимости между частями: сочинением, подчинением, взаимным подчинением. Способ получил рабочее название **семантического**, поскольку для установления синтаксической связи в нем используются семантические средства. Кроме того, при этом способе образования СП актуализируются смысловые отношения между частями СП, обусловленные лексическим наполнением частей.

Критерием отличия СП семантического способа образования от СП синтаксического способа образования служит невозможность введения ВМ (в форме Т-местоимения) в их структуру, что и является формальным показателем структурной целостности частей СП.

Грамматическое значение семантического способа состоит в том, что он, осуществляя объединение двух ПП в единое синтаксическое целое, создает структуру, подобную СПП. Сближение форм ПП (но не слияние их в одночленной синтаксической структуре) в таком СП, создает особые условия для выявления тех смысловых отношений, которые формируются между частями СП на основе их лексического содержания. Части СП семантического способа образования могут находиться друг с другом в самых разнообразных по оттенкам смысловых отношениях: перечисления, пояснения, противопоставления, сравнения, причины и следствия, условия и результата и т.д., в то время как смысловые отношения между частями СП синтаксического способа образования ограничены значениями второстепенных членов предложения.

Итак, два способа образования СП, два принципа объединения ПП в сложное, различаются соотношением объединяющихся структур. Один из них (семантический) объединяет ПП по принципу «целое с целым» и создает структуру СП, подобную СПП; другой (синтаксический) объединяет ПП по принципу «часть с целым» и создает структуру, подобную ПП.

Синтаксические отношения между частями в СП

Выше уже говорилось о том, что между частями СП семантического способа образования могут устанавливаться все три вида синтаксической зависимости: сочинение, подчинение (односторонняя зависимость) и взаимное подчинение (двусторонняя зависимость).

Если исходить из положения, что начальная (независимая) форма предложения как коммуникативной единицы складывается из предикативности и семантической, грамматической и интонационной завершенности (правильности), то нарушение в любом из этих аспектов формы предложения, когда оно становится компонентом СП, обозначает возникновение зависимой формы и установление синтаксических отношений (того или иного вида) между частями СП.

Рассмотрим, какие виды синтаксических отношений могут возникать в СП в связи с нарушением исходной формы предложений в частях СП на разных уровнях.

Интонационный уровень

Интонация частей СП всегда характеризуется незавершенностью по сравнению с интонацией отдельного предложения. Интонационной законченностью обладает лишь все предложение в целом. Поэтому во всяком двусоставном СП действуют отношения синтаксического взаимоподчинения, обусловленные интонационной незавершенностью каждой из частей. Остальные синтаксические отношения в СП (обусловленные семантической или синтаксической завершенностью) действуют на фоне этого постоянного интонационного взаимного подчинения частей, взаимодействуя с ним.

Семантический уровень

Семантическая незавершенность «определяется обязательным распространением сказуемого, что зависит от его лексических особенностей» [Шелякин 2002, с. 211]. В соответствии с этим определением в СП возможны следующие виды синтаксических отношений, обусловленные семантической незавершенностью частей:

Сочинение связывает части в СП в том случае, если обе части имеют правильную семантическую форму (не требуют обязательного распространения):

Посидите здесь, я сейчас приду.

Я занят, вам я могу уделить только две минуты.

Подчинение связывает части СП в том случае, если одна из частей требует обязательного распространения:

Было ясно: дом обречен.

Взаимное подчинение устанавливается между частями СП, если обе его части характеризуются семантической незавершенностью:

Тише едешь – дальше будешь.

Грамматический уровень

Части в СП меняют правильную грамматическую форму самостоятельного предложения на зависимую вследствие слияния с союзами и союзными словами [Пешковский 2001, с. 464]. В соответствии с этим в СП выделяются сочинение и подчинение, обусловленные грамматической неправильностью формы частей. К традиционному выделению двух видов синтаксической зависимости можно добавить третий – взаимную зависимость.

Если бы гири были золотые, то, честное слово, я бы на ней женился.

Итак, правильная форма исходных ПП при образовании двучленных СП может нарушаться во всех трех аспектах: интонационном, семантическом, грамматическом, превращая ПП в части СП и устанавливая между ними отношения синтаксической зависимости.

Но СП – это не просто грамматическая форма объединения коммуникативных единиц, это грамматическая форма объединения коммуникативных единиц, выявляющая (с различной степенью ясности) смысловые отношения между ними.

Поэтому синтаксические отношения в СП складываются не только с учетом изменения формы исходных ПП, но и с учетом всех текстовых средств связи, которые в СП грамматикализуются.

Таким образом, семантические союзы, показатели соотношения лексических составов, а также соотношение содержания ПП (связанное с их лексическим наполнением) в СП становятся выразителями грамматической зависимости уровня ПП, в то время как в СПП они существуют на уровне текстовых связей – более свободных по сравнению с синтаксическими связями внутри предложения.

Союзная связь частей СП сильнее, чем союзная связь ПП в СПП, еще и потому, что она в той или иной степени меняет

не только форму объединяемых ПП (оформляя их грамматическое единство), но и грамматикализует смысловые отношения между ними.

В бессоюзных СП эту роль берут на себя показатели соотношения лексических составов и интонация. Установленная ими между частями СП грамматическая и грамматикализованная смысловая связь изменяет возможности взаиморасположения частей по сравнению с СПП. Исходя из этого, предлагаем следующие критерии определения синтаксической зависимости в бессоюзных СП (СП двучленной структуры с интонационной связью, осложненной или не осложненной показателями соотношения лексических составов): части бессоюзного СП связаны сочинительными отношениями, если обе его части, имея правильную грамматическую форму в семантическом и грамматическом аспекте, могут свободно менять порядок взаиморасположения на обратный без изменения общего смысла СП. Например, части СП

Стенографистка писала, Остап рассеянно чистил ногти связаны сочинительными отношениями, поскольку СП допускает образование синонимичного варианта:

Остап рассеянно чистил ногти, стенографистка писала.

Дополнительным признаком сочинительных отношений является возможность трансформации СП в синонимичное ему СП при помощи одного лишь изменения интонации (возможность разделения частей СП интонацией «точки»).

Части бессоюзного СП связаны подчинительными отношениями, если СП, имея правильную форму частей, в целом характеризуется гибкой структурой (допускает образование СП с вводным предложением):

Дом обречен. Это было ясно. Дом, это было ясно, обречен.

Козлевич двинулся бы по асфальту, шоферы любят хорошие дороги. Козлевич (шоферы любят хорошие дороги) двинулся бы по асфальту.

Такие СП допускают также трансформацию СП в СПП с помощью замены интонации «запятой» интонацией «точки».

Части СП находятся в отношениях взаимного подчинения, если имеют фиксированный порядок взаиморасположения частей и не допускают образования синонимичного им СП при разделении частей интонацией «точки». Обратный порядок частей в СП ведет или к изменению общего смысла СП, или вообще невозможен. То же самое можно сказать о трансформации СП в синонимичное ему СПП: она ведет или к созданию несинонимичного СПП или вообще невозможна. Например:

Было ясно: дом обречен (нельзя сказать *Дом обречен: было ясно*; нельзя сказать *Было ясно. Дом обречен*).

Лес рубят – щепки летят (в СП *Щепки летят – лес рубят* причинно-следственные отношения исходного предложения меняются на условно-временные; в СПП

Лес рубят. Щепки летят. следственные отношения исходного СП переходят в соединительные отношения соположения, одновременно совершающихся фактов).

В бессоюзных СП со взаимным подчинением правильная форма предложений может сохраняться или не сохраняться: нарушение семантической или грамматической формы частей (обеих или одной) носит дополнительный характер.

Для СП с союзной связью, чтобы не усложнять описания, оставлены традиционные критерии определения видов синтаксической зависимости с дополнением (см. с. 7). Но при этом отметим, что синтаксические связи разных уровней действуют в СП одновременно. Например, в СП

Дверь вагона открылась, и на низкую землю прыгнул член правительства
можно обнаружить:

1 сочинение частей на синтаксическом уровне (союз и не сливается ни с одной из частей и не нарушает их синтаксически правильной формы);

2 взаимоподчинение частей на семантическом уровне (части СП имеют фиксированный порядок расположения);

3 взаимоподчинение на интонационном уровне.

Основные функционально-конструктивные типы СП

По способу образования все СП делятся на два принципиально различающиеся класса: СП семантического способа образования (двучленная структура, подобная структуре СПП) и СП синтаксического способа образования (однучленная структура, подобная структуре ПП).

Оба способа могут образовывать СП на базе разных типов соотношения лексических составов и пользоваться для установления синтаксической связи между частями СП разными средствами: интонацией, формальными показателями соотношения лексических составов, семантическими и синтаксическими союзами.

Поэтому основные конструктивные типы СП возникают именно как следствие действия определенного способа образования на базе определенного типа соотношения лексических составов с использованием определенных средств связи, устанавливающих синтаксические отношения в СП.

Рассмотрим основные конструктивные типы СП в русском языке.

I тип. СП семантического способа образования на базе лексического исключения с использованием интонации как средства установления синтаксических связей между частями.

Типы соотношения лексических составов в СП (и в СПП) отражают лишь наиболее обобщенные семантические взаимоотношения между объединяющимися предложениями. Кроме них между частями СП действуют более частные семантические связи, формируемые лексическим наполнением частей, а именно различные виды соединительных, сопоставительных, временных и т.п. связей. В случае, когда частные семантические отношения в СП не конкретизированы специальными лексическими средствами (словами *следовательно, значит, тем самым* и подобными им), интонация, объединяющая СП, может выступать в двойной роли, нейтрализуя или активизируя частные семантические связи между частями СП.³ Отсюда два варианта СП первого типа:

✓ СП с нейтральной интонацией, нивелирующей частные смысловые соотношения:

*Белое платье исчезло, Корейко остался один
Есть было нечего, деньги кончились.
В вагонах не было огней, все спали.
Лес рубят, щепки летят.*

✓ СП с актуализированной интонацией, проявляющей частные смысловые отношения:

*Белое платье исчезло – Корейко остался один.
Есть было нечего: деньги кончились.
В вагонах не было огней: все спали.
Лес рубят – щепки летят.
Бензин ваш – идеи наши.*

Взаимодействие всех факторов, действующих в первом типе СП и определяющих степень слитности его частей, можно охарактеризовать следующим образом:

Интонация в данном типе СП является ведущим фактором, поскольку именно она превращает СПП в СП, устанавливая синтаксическую взаимозависимость частей. Два других

фактора, семантический способ образования и соотношение лексических составов по типу «исключение», работают на сохранение двучленности СП, то есть в направлении, противоположном действию интонации.

В целом СП первого типа – это класс предложений, который ближе всех остальных типов СП стоит к сочетанию ПП, отличаясь от последнего только специфической интонацией. Его типовое значение – выражение недифференцированных (или обобщенных) смысловых отношений между частями СП, формируемых их лексическим наполнением.

II тип. СП семантического способа образования на базе всех трех типов соотношения лексических составов с использованием семантических союзов как средства установления синтаксической связи между частями.

Второй тип СП отличается от вышеописанного первого типа СП прежде всего тем, что роль активизирующей интонации переходит в нем к семантическим союзам: именно они устанавливают между частями синтаксические отношения зависимости, они же служат выразителями семантических отношений между частями. Варианты описываемого класса СП определяются типами отношения составов: семантический способ образования СП с союзной связью может действовать на базе любого из трех типов.

✓ на базе отношений исключения

а) СП с сочинительными отношениями между частями:

*Несколько раз ксендзы принимались тихо петь по-латински, **и** уже к вечеру первого дня Адам Казимирович стал им подтягивать.*

*Подаренную провизию он съел, **а** для ресторана нужны были наличные.*

***Или** вы мне отдаете миллион, **или** я уношу папку в другое место.*

б) СП с подчинительными отношениями между частями:

*Я вас не пощажу, **если** вы будете меня обижать.*

***Когда** они повернули на улицу Меринга, над городом пронесся воющий звук сирены.*

в) СП с взаимоподчинительными отношениями между частями:

***Раз** яйца существуют, **то** должен же кто-нибудь их есть?*

*Но **если** верблюд фотографировался с полным сознанием своего права на известность, **то** трактористка оказалась скромнее.*

Как только он сознается в своем богатстве, **так** я возьму его голыми руками.

Лектор снова поморщился, **потому что** дверь открылась. Сделай одному одолжение, **как** уже все наваливаются.

✓ **на базе отношений включения**

СП с сочинительными отношениями между частями:

Вы мелкий жулик, **и** я сразу понял **это**.

Они считают себя сильнее всех, **но это** уже просто смешно.

В самом деле жизнь прекрасна, Паниковский, **или мне это** только кажется?

Следует отметить, что отношения включения существенно ограничивают возможности использования семантических союзов, что, впрочем, вполне объяснимо: отношения включения не соотносимы со значением многих семантических союзов и могут сочетаться только с некоторыми из них.⁴

✓ **на базе отношений пересечения**

а) СП с сочинительными отношениями между частями:

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, **и** сердца у них весело играли. (М. Салтыков-Щедрин)

Судьба играет человеком, **а** человек играет на трубе.

Антилопа была верная машина, **но** на свете есть много машин.

б) СП с подчинительными отношениями между частями:

В своих романах он описывал только деревню, **хотя деревню** видел очень редко. (А. Чехов)

Жизнь продолжается, **даже когда ее** в сущности нет. (С. Довлатов)

Но дело у Алисы шло медленно, **потому что она** все время отвлекалась. (Л. Кэррол)

Милочка мне понравилась, **тем более что** даже мама похвалила ее. (Е. Шварц)

в) СП с взаимным подчинением частей:

Если я поднесу эту книгу к зеркалу, **то** я смогу ее прочесть. (Л. Кэррол)

Как ни старались генералы отогнать воспоминания о еде, **но** воспоминания эти пробивались насильственным путем. (М. Салтыков-Щедрин)

Взаимодействие факторов, определяющих слитность СП второго типа, будет различаться своим рисунком в вариантных конструкциях.

Отношения исключения и семантический способ образования способствуют расчлененности; отношения включения

и пересечения ослабляют действие семантического способа, поскольку ориентированы на взаимосвязанность частей.

Факторами, устанавливающими синтаксические связи между частями в данном типе СП, оказываются семантические союзы. Сочинительные союзы работают на его расчлененность структуры, подчинительные – на ее слитность. Степень слитности, определяемая союзами, будет усиливаться или ослабляться действием способа образования и типом соотношения лексических составов.

В целом во II типе предложений слитность частей выше, чем слитность в СП первого типа. Только СП с сочинительными союзами (на базе всех типов соотношения лексических составов) остаются настолько же близкими к СПП, как и СП первого типа, поскольку сочинительные союзы используются и в СПП.

Типовое значение СП второго типа – выражение дифференцированных смысловых отношений между частями СП.

Оба описанных типа СП могут быть объединены тем, что в той или иной степени актуализируют указанные выше межсмысловые отношения, обусловленные лексическим наполнением частей СП. В этом своем качестве типы I-II противопоставлены СП, актуализирующим межсмысловые отношения, обусловленные характером соотношения лексических составов – включения или пересечения.

Рассмотрим типы этих последних, помня, что на базе отношений включения могут быть построены СП как семантического, так и синтаксического способа образования.

III тип. СП семантического способа образования на базе лексического включения с использованием ВМ как средства установления синтаксической связи между частями.

Поскольку ВМ может использоваться для установления синтаксических связей в различных формах, отсюда – варианты третьего типа СП.

Во всех СП третьего типа способ образования обуславливает двучленность, а интонация ответственна за единство. Различие вариантов третьего типа возникает из-за различия видов синтаксической зависимости, устанавливаемых с помощью ВМ.

1. СП, сохраняющие ВМ в исходной форме

* Вы мелкий жулик, я понял **это** сразу.

Вы, я понял **это** сразу, мелкий жулик.

* Остал даже подпрыгнул – **так** он удивился.

Остап – так он удивился – даже подпрыгнул.

** Глухой увез с собой сценарий, это было хуже всего.*

Глухой, это было хуже всего, увез с собой сценарий.

В СП с ВМ в исходной форме устанавливаются отношения подчинения: простое предложение, содержащее ВМ, превращаясь в часть СП, приобретает способность разрывать структуру другого предложения и становится зависимым. В связи с этим она получает характер попутного замечания, значимость ВМ в котором приглушается (особенно в СП с разорванной структурой главной части).

Типовое значение этого варианта III типа СП состоит в смягчении отношений включения по сравнению с СПП, где предложения выразительно отделены друг от друга интонацией, а на само ВМ, как правило, падает логическое ударение.

2. СП с ВМ, актуализированным при помощи частицы

В СП этого вида ВМ чаще всего имеет измененный по сравнению с СПП облик: ВМ **это** переходит в **что, так – в как, тогда – в когда** и т. д. Реже может сохранять исходную форму, но в любом случае ВМ актуализируется с помощью усилительной частицы **вот**:

*Беспокоило командора **вот что**: денег не было.*

*Денег не было – **вот что** беспокоило командора.*

*Опрятность, честность – **вот что** дорого.*

*Опрятность, честность – **вот это** дорого.*

В СП с актуализированным ВМ устанавливаются сочинительные отношения: в СПП предложения, одно из которых содержит ВМ, имеют фиксированный порядок. В СП с актуализированным ВМ порядок свободный.

Типовое значение СП этого вида – высшая степень актуализации отношений включения в СП семантического способа образования, т.е. в двучленной синтаксической структуре.

Сравним:

*Сейчас возможна только подпольная торговля, **в этом** Корейко был уверен.*

*Сейчас возможна только подпольная торговля – **вот в чем** Корейко был уверен.*

3. СП с трансформированным ВМ

В СП с трансформированным ВМ Э-местоимение переходит в Ч-местоимение и устанавливаются подчинительные отношения: часть, содержащая ВМ, становится придаточной, поскольку приобретает способность разрывать структуру другой части.

Там он выучится читать и писать, **что** в его возрасте совершенно необходимо.

Адам Козлевич учил Зосю управлять машиной, **чем** также завоевал ее расположение.

Я, **о чем** вы снова забыли, потомок яньчаров.

Хирурги, **за что** я им глубоко признателен, еле-еле спасли мою молодую жизнь.

Степень слитности частей в данном варианте III типа СП та же, что в СП с исходной формой ВМ (III. 1), сходны у них и значения: СП с ВМ в исходной форме смягчают отношения включения по сравнению с СПП. СП с ВМ в трансформированной форме приглушают их еще больше, придавая придаточному предложению значение добавочного замечания даже в тех случаях, когда структура главного предложения не разорвана структурой придаточного.

4. СП с нейтрализацией ВМ

Я знаю, Козлевич двинулся бы по асфальту.

Козлевич, я знаю, двинулся бы по асфальту.

Братья поняли: за поездом им не угнаться.

За поездом, братья поняли, им не угнаться.

Я вам скажу откровенно: Чемберлен все-таки голова.

Чемберлен, скажу вам откровенно, все-таки голова.

В СП этого вида устранено ВМ, в результате чего в нем устанавливаются подчинительные отношения: вторая часть СП уже не наполняет конкретным содержанием ВМ из первой части (как это происходит в остальных видах СП третьего типа), а поясняет то слово, с которым было связано устраненное ВМ. Отношения включения в этом виде СП переходят в отношения пояснения, в чем и состоит типовое значение этого вида СП.

В целом третий тип СП характеризуется тем, что в качестве средства, устанавливающего синтаксическую связь между частями, используется формальный показатель лексических отношений включения – ВМ. Использование одного и того же связующего элемента в его модификациях приводит к образованию двучленных конструкций СП с различной силой звучания отношений включения, вплоть до их нейтрализации.

Типовое значение описанных СП состоит в выражении вариантов лексических отношений включения в двучленной синтаксической структуре. Сочетание единства, обусловленного типом соотношения лексических составов (включение) и расчлененности, обусловленного способом образования, обеспечивает в СП Третьего типа ярко выраженную противоречи-

вость: оба фактора действуют достаточно сильно, но в противоположных направлениях.

IV тип. СП синтаксического способа образования на базе лексического включения и пересечения.

СП, актуализирующие отношения включения синтаксическим способом, возникают как на базе лексических отношений включения, так и на базе лексических отношений пересечения, используя различные средства для установления синтаксической связи в СП. Варианты четвертого типа СП возникают именно на основе данных различий:

1. СП синтаксического способа образования на базе лексического включения с использованием синтаксических союзов в качестве средства установления синтаксической связи между частями СП.

Образование СП синтаксическим способом на базе лексических отношений включения с использованием синтаксических союзов **что, как, чтобы** и др. было описано выше при введении понятия способов образования. К сказанному необходимо добавить, что при образовании СП этого вида происходит не идеальный перенос содержания одного предложения в содержание другого с помощью ВМ, а материальное осуществление отношений включения путем включения структуры одного ПП в структуру другого в качестве одного из его второстепенных членов.

Признаком СП синтаксического способа образования является, как уже было сказано, наличие ВМ или возможность его введения при отсутствии такового. Введение ВМ как контрольной операции всегда оказывается возможным, но при этом бывает стилистически неоправданным, что, на наш взгляд, лишь подтверждает факт слияния двух ПП в одночленной структуре: место ВМ в главном предложении занято придаточным и введение ВМ оказывается излишним.

Выбор союза в СП описываемого варианта связан с модальной характеристикой придаточного предложения:

• союзы **что** и **как** присоединяют предложения повествовательного характера:

*Великий комбинатор понял, **что** взял фальшивый тон.*

*Посмотрим, **как** он справится с этой задачей.*

• союз **чтобы** присоединяет предложения, имеющие побудительный, желаемый характер:

*Не ешьте на ночь помидоров, **чтобы** не причинить вреда желудку.*

- союз **будто** присоединяет предложения со значением недоверности сообщаемого:

*Бухгалтер Берлага вообразил, **будто** он стал вице-королем Индии.*

- вопросительные частицы в предложениях, содержащих вопрос, в составе СП становятся союзами, с помощью которых присоединяются придаточные вопросительного характера:

*Вы не знаете, **который** час?*

*Что-то я не пойму, **чего** вы от меня хотите.*

*А теперь расскажите, **чем** провинился головорез Паниковский.*

*Скажите, **почему** вы пишете смешно?*

*Я не знаю, **когда** он пришел.*

(Сравним с СПП: **Когда** он пришел? Я не знаю этого.)

В связи с этим дальнейшее дробление описанного структурного типа СП можно было бы произвести, исходя из модального значения придаточных предложений, но при описании конструктивных вариантов логичнее классифицировать разновидности по их синтаксической роли в составе главного: СП с придаточным-дополнением, СП с придаточным-определением, СП с придаточным-обстоятельством.

В описанном варианте СП при образовании одночленной структуры СП происходит поглощение лексических отношений включения между предложениями и воплощение этих отношений в самой структуре СП, где главное предложение принимает в свой состав придаточное на правах одного из второстепенных членов предложения.

Типовое значение СП со структурой ...понял, что...состоит в материализации идеи включения: в реальном соединении двух смыслов в одночленной структуре, где они стремятся слиться в нерасчлененное смысловое единство.

2. СП синтаксического способа образования на базе лексического включения с использованием ВМ и синтаксических союзов в качестве средства установления синтаксической связи между частями.

*Великий комбинатор не отрицал **того, что** он профессионал пера.*

*Он начал бормотать что-то **о том, что** не в деньгах счастье.*

*Я **так** устрою, **что** он свои деньги мне сам принесет, на блюдечке с золотой каемкой.*

*Норвежец был **так** восхищен фото-молодчеством Меншова, **что** почувствовал необходимость поделиться с кем-нибудь своими чувствами.*

Все эти сведения нужны ему **потому, что** дня через два он намерен дать банкет собратьям по перу.

Этот крепостник объявил голодовку **из-за того, что** я хочу от него уйти.

Не такая за окнами погода, **чтобы** без пальто ходить.

Описываемый вариант СП со структурой ...**понял то, что**... подобно описанному выше СП со структурой ...**понял, что**..., имеет строение, сходное со строением ПП. Однако при образовании СП придаточное предложение этого варианта не вторгается в структуру главного, вытесняя ВМ и занимая его синтаксическое место, а лишь подключается к ВМ, распространяя его и наполняя конкретным содержанием. Придаточное предложение, таким образом, подключается к структуре главного на правах **обособленного члена предложения**: оно, как и обособленный член в ПП, разделяет с ВМ его синтаксическое место и поясняет его. Происходит слияние двух ПП в такую одночленную структуру, где синтаксическая слитность частей выражена менее категорично, чем в СП со структурой **понял, что**...

Типовое значение СП со структурой ...понял то, что... состоит в создании такого синтаксического единства, в котором не только сохраняется, но и актуализируется противопоставление смыслов выраженное типом соотношения лексических составов в исходном СПП.

3. СП синтаксического способа образования на базе лексического пересечения с использованием повтора существительных как средства, устанавливающего синтаксическую связь в СП.

Козлевич чувствовал себя кавалеристом, **у которого** по недосмотру погибла лошадь.

Хотел бы я видеть человека, **который** не взял бы назад своих денег.

В пылу спора его инженерная фуражка, **околыш которой** сверкала зеленым диванным плюшем, покосилась набок.

В данном варианте СП синтаксическая связь между словом из главного предложения и придаточным устанавливается с помощью одного из членов повтора путем его трансформации в союзное слово **который**:

Последним из дома выскочил Лоханкин. А дом уже наполнился самоварным дымом с прожилками огня. Последним из дома, **который** уже наполнился самоварным дымом с прожилками огня, выскочил Лоханкин.

Трансформированный член повтора превращает независимую форму «своего» предложения в зависимую от не-трансформированного члена повтора в другом предложении.

Происходит подключение структуры придаточного к структуре главного предложения через повтор. Такое подключение и образование такой одночленной структуры возможно только на базе повтора, выраженного существительными.

Союзное слово **который** (трансформированный член повтора существительных), замещая в предложении существительное, теряет свое лексическое значение, но сохраняет свою роль в предложении, в зависимости от чего и может менять свою форму:

*Такое лицо бывает у человека, **который** прожил долгую, порядочную жизнь. Такое лицо бывает у человека, **кто** прожил долгую, порядочную жизнь.*

*Каждый час приближал его к Северному укладочному городку, **в котором** находился Корейко. Каждый час приближал его к Северному укладочному городку, **где** находился Корейко.*

В описанном виде СП при образовании одночленной структуры СП происходит нейтрализация отношений пересечения и воплощение отношений включения в самой структуре СП, где придаточное предложение подключается к существительному в главном предложении в качестве его распространителя (определения) и таким образом входит в состав главного предложения.

СП со структурой типа ...**дом, который**... аналогичны СП со структурой типа ...**понял, что**... Разница между ними состоит только в средствах связи: в первом случае это синтаксические союзы, во втором это союзные слова – средства связи, возникшие благодаря модификации одного из членов повтора.

Типовое значение описанного варианта СП состоит в материализации идеи включения: в реальном соединении двух смыслов в одночленной структуре, где они стремятся слиться в один нерасчленимый смысл, нейтрализуя противопоставление смыслов, выраженных типом пересечения лексических составов.

4. СП синтаксического способа образования на базе смешанных лексических отношений включения с пересечением с использованием ВМ и повтора существительных в качестве средства, устанавливающего синтаксические связи между частями СП.

*У нее был **тот** спортивный вид, **который** за последние годы приобрели все спортивные девушки.*

*Или пойдем прямо в закрома, **в ту** пещеру, **где** выхраните свои тугрики.*

*В **то** время, **покуда** великий комбинатор пиратствовал*

на море, Генрих Мария Заузе вышел из «Геркулеса» в полном недоумении.

СП со структурой ...**тот дом, который**... аналогичны СП со структурой ...**понял то, что**...

При их образовании происходит создание такой структуры, где слитность частей выражена слабее, чем в СП со структурой ...**дом, который**... При этом наблюдается своеобразное преобразование типа соотношения лексического состава в исходном СПП (сочетание пересечения с включением): отношения пересечения нейтрализуются, а отношения включения, наоборот, подчеркиваются.

Типовое значение СП со структурой ...**тот дом, который**... состоит, таким образом, в создании такого синтаксического единства, в котором сохраняется и актуализируется противопоставление смыслов, обусловленное отношениями включения в исходном СПП, и подавляется противопоставление смыслов, обусловленное отношениями пересечения в исходном СПП.

5. СП синтаксического способа образования на базе лексических отношений пересечения с использованием одного члена местоименного повтора в качестве средства, устанавливающего синтаксическую связь в СП.

Блажен, **кто** смолоду был молод (Пушкин).

По щекам поползли блестящие капельки, **какие** бывают на окнах во время дождя. (Чехов)

Я не помню, **о чем** мы говорили.

Дождь кончился, **когда** совсем стемнело.

Образование СП данного варианта может быть объяснено только через их глубинную структуру, поскольку в «нормальное» СП их трансформировать не удастся:

1. СПП с местоименным повтором в качестве глубинной структуры СП с местоименным повтором:

Кто-нибудь захочет меня понять.

Он и поймет.

2. СП с местоименным повтором в качестве средства связи:

Поймет **тот, кто** захочет меня понять.

3. СП с придаточным, занявшим синтаксическую позицию ВМ:

Поймет, **кто** захочет меня понять.

СП со структурой ...**поймет, кто захочет**... аналогичны по структуре СП со структурой ...**понял, что... и ...дом, который**..., при образовании которых происходит слияние двух предложений в одночленную структуру СП и образование единого нечленимого смысла СП. СП со структурой ...**поймет, кто**

захочет... отличаются от указанных выше аналогичных СП только средствами связи. В качестве таковых в них выступают трансформированные члены местоименного повтора.

Устранение ВМ из общей структуры СП (замещение его придаточной частью) обеспечивает нейтрализацию пересечения смыслов, обусловленного типом соотношения лексических составов в исходном СПП.

Типовое значение СП со структурой ...поймет, кто захочет понять... состоит в образовании синтаксического единства, материально воплощающего идею включения содержания одного предложения в содержание другого.

В целом четвертый тип СП характеризуется как тип, в котором идея включения реализуется в одночленной синтаксической структуре, подобной структуре ПП. В этой структуре способ образования имеет определяющее значение: он устанавливает сильные синтаксические связи между частями, подобные связям слов внутри ПП, ослабляя или совсем подавляя действие типа соотношения лексических составов. Интонация в таких предложениях также подчинена идее максимального единения частей в пределах СП.

Пять вариантов СП четвертого типа (тип сложных предложений, реализующих идею включения в одночленной структуре с помощью различных средств связи) могут быть объединены в две группы:

1) СП со структурами ...понял, что... ; ...дом, который... и ...поймет, кто захочет... имеют однотипную структуру и одинаковое значение. Они различаются лишь природой средств связи, формирующих зависимую форму придаточного предложения: в СП со структурой ...понял, что... – это синтаксические союзы; в СП со структурой ...дом, который... – это союзные слова из трансформированных членов повтора существительных; в СП со структурой ...поймет, кто захочет... – это союзные слова из трансформированных членов повтора местоимений.

Это группа СП с самой сильной синтаксической подчинительной связью между словами.

2) СП со структурами ...понял то, что... и ...тот дом..., который тоже имеют однотипную структуру и одинаковое значение, различаясь лишь средствами связи.

От группы СП с сильной подчинительной связью они отличаются только тем, что являются группой СП с ослабленной подчинительной связью между частями. Способ образования и в этих структурах СП имеет ведущее значение, но стремление способа образования к одночленности существенно ослаблено сохранением формального показателя типа лексических отно-

шений включения в главной части СП, который в одночленной структуре работает на расчленение частей.

С точки зрения слитности частей СП первого, второго и третьего типа могут быть в целом противопоставлены СП четвертого типа. Если первые утверждают смысловые отношения в пределах двучленной структуры, близкой по своему строению к СПП, то СП четвертого типа осуществляют то же самое в пределах одночленной структуры, подобной по своему строению ПП.

Перейдем к рассмотрению СП, актуализирующих отношения пересечения.

Отношения пересечения могут быть выражены как в СП семантического способа образования, так и в СП синтаксического способа образования.

V тип. СП семантического способа образования на базе лексического пересечения с использованием повтора и семантических союзов в качестве средств, устанавливающих синтаксические связи в СП

Варианты этого типа СП возникают в зависимости от того, как используется повтор для связи частей СП.

1. СП с использованием полного повтора⁵ и интонации:

а) СП с полным повтором местоимений:

Больше **он** ничего не сказал, **он** испугался.

Больше **он** ничего не сказал – **он** испугался.

б) СП с полным повтором существительных:

Адам честный человек, **он** плохо разбирается в жизни.

Адам честный человек – **он** плохо разбирается в жизни.

в) СП с полным повтором глаголов-сказуемых:

Все **сбежались**, я тоже **сбежался**.

Все **сбежались** – я тоже **сбежался**.

г) СП с полным повтором наречий:

Выступающий говорил **вяло**, его **вяло** слушали.

Выступающий говорил **вяло** – его **вяло** слушали.

д) СП с полным повтором прилагательных:

У вас **старинный** венский стул, у меня **старинное** золотое ситечко.

У вас **старинный** венский стул – у меня **старинное** золотое ситечко.

е) СП с полным повтором словосочетаний, в том числе с повтором грамматического центра:

В наше новое время **мне не хочется** улыбаться, **мне хочется** молиться!

В большом мире **изобретен** дизель-мотор, **написаны** «Мертвые души», **построена** Днепровская гидростанция и совершен перелет вокруг света, в маленьком мире **изобретен** кричащий пузырь «уйди-уйди», **написана** песенка «кирпичики» и **построены** брюки фасона «полпред».

Наличие полного повтора в СП и в СПП подчеркивает определенный тип связанности предложений – тип пересечения смыслов. В то же время наличие полного повтора создает благоприятные условия для возникновения определенных частных смысловых отношений (противопоставления, сопоставления, сравнения). Эти отношения могут быть ослаблены или усилены с помощью интонации, как в первом типе СП.

Типовое значение СП с полным повтором в частях состоит в актуализации отношений пересечения и различных отношений сопоставления, обусловленных тем же типом соотношения лексических составов, в пределах двучленной конструкции, подобной СПП.

2. СП с использованием полного повтора и семантических союзов:

Повтор в составе СП, как уже было отмечено, создает благоприятные условия для возникновения отношений противопоставления, сопоставления, сравнения между частями. Поэтому в СП с повтором чаще всего и используются именно эти семантические союзы:

*Раньше **я** использовал эти брюки только на пасху, **а** теперь **я** ношу их каждый день.*

***Паниковский** пил наравне со всеми, **но** о боге **он** не высказывался.*

***Лоханкин** говорил пятистопным ямбом, **хотя он** никогда стихов не писал и не любил их читать.*

*Судьба **играет** человеком, **а человек играет** на трубе.*

Типовое значение СП с полным повтором в частях и использованием семантических союзов состоит в актуализации различных отношений сопоставления и нейтрализации отношений пересечения, обусловленных типом соотношения лексических составов, в рамках двучленной структуры, близкой по своему строению к СПП.

3. СП с совмещением двух членов повтора в одном слове (или словосочетании)

Пропуск члена повтора во второй части СП можно интерпретировать как совмещение двух членов повтора в одном слове (или словосочетании). Такое совмещение ведет к созданию

разных конструкций, различие которых обусловлено синтаксической ролью повторов в частях СП.

✓ **Совмещение повторяющихся обстоятельств** ведет к образованию СП с общим обстоятельством:

Всю ночь не вязались банки, и **всю ночь** не шла карта.

Всю ночь не вязались банки и не шла карта.

✓ **Совмещение повторяющихся подлежащих** ведет к возникновению предложений с однородными сказуемыми:

Я ничего не делаю, но деньги **я** получаю пунктуально.

Я ничего не делаю, но деньги получаю пунктуально.

Старик в пасхальных брюках разозлился, **но** паузы между фразами он не уменьшил. **Старик** в пасхальных брюках разозлился, но паузы между фразами не уменьшил.

✓ **Совмещение повторяющихся сказуемых** является причиной образования СП с неполной второй частью:

Вы **заходите** с левой стороны, а я **захожу** с правой стороны.

Вы **заходите** с левой стороны, а я – с правой стороны.

В результате совмещения нескольких повторяющихся членов предложения (обычно сказуемого с распространителем, или подлежащего со сказуемым, или грамматического центра вместе с каким-либо второстепенным членом) образуются конструкции настолько неполные во второй части, что их уже трудно считать предложениями, даже неполными. Тем более, что их неполнота в составе СП воспринимается как норма, а восстановление пропущенных членов предложения создает ощущение стилистической неправильности:

Я выгляжу хорошо, вы **выглядите лучше**. Вы **выглядите лучше**, чем я.

Разъезжать на извозчике **приятно**, **разъезжать** на автомашине еще **приятнее**. Конечно, **разъезжать** на автомашине **приятнее, чем на извозчике**.

Со мной **она разговаривала не очень охотно**, с доктором **она разговаривала охотнее**. С доктором она **разговаривала охотнее, чем со мной**.

СП третьего варианта пятого типа отличаются повышенной степенью слитности частей, приближающей их к структурам ПП. Совмещение двух членов повтора в одном слове не только повышает степень слитности частей, но и нейтрализует отношения пересечения, что еще больше сближает подобные структуры с ПП. СП этого типа могут быть названы слитными [Пешковский, с. 445].

Типовое значение слитных СП состоит в материализации отношений пересечения и актуализации противопоставления оставшихся частей друг другу.

В целом СП пятого типа характеризуются как СП, в которых идея пересечения смыслов реализуется в вариантах двучленной синтаксической конструкции с различной степенью слитности частей.

VI тип. СП синтаксического способа образования на базе лексических отношений пересечения, с использованием обоих членов повтора, выраженного местоимениями, в качестве средства, устанавливающего синтаксическую связь в СП.

СП, выражающие отношения пересечения в конструкциях синтаксического способа образования, возникают только на базе отношений пересечения с повтором, выраженным местоимениями.

*Это было не **то, что** я искал.*

***Кто** туда попадет, **тот** не возвращается.*

*К этой работе следует привлечь **тех, кто** трудится в области литературы.*

*Я останусь **таким** же бедным поэтом и многоженцем, **каким** был.*

***Такого** дня, **какой** предстоит сегодня, ваше механическое корыто еще не видело и никогда не увидит.*

***Где** нет любви, **там** о деньгах говорить не принято.*

*Выход у вас один – возвращаться **туда, откуда** сбежали.*

*Они живут **так, как** следовало бы жить всем нам.*

Образование СП шестого типа так же, как СП со структурой... поймет, кто захочет ..., может быть объяснено только через их глубинную структуру:

СПП: *Я **что-то** говорил в Арбатове.*

*Я могу повторить только **это**.*

СП: *я могу повторить только **то**,*

***что** я говорил в Арбатове.*

При образовании СП синтаксическим способом на базе местоименного повтора видоизменяются оба его члена: один из них трансформируется в ВМ (в Т-местоимение), а другой – в союзное слово, превращающее исходное предложение в придаточное. Формирование одночленной структуры происходит путем подключения придаточного предложения к ВМ, в то же время при образовании СП оба члена повтора сохраняются.

В результате получается СП, структура которого сочетает в себе синтаксическое подключение одной части к другой с одновременным сохранением пересечения их смыслов.

Типовое значение СП со структурой ... тот, кто... состоит в актуализации отношений пересечения в одночленной структуре.

Общее значение СП пятого и шестого типов состоит в выражении отношений пересечения с различной степенью интенсивности в конструкциях с различной степенью слитности частей.

Сравнение выделенных типов СП по степени слитности

Итак, все конструкции русских СП описаны в единой системе⁶, состоящей из шести основных, противопоставленных друг другу типов. Система построена на одних и тех же признаках (способ образования, тип соотношения лексических составов, средства, устанавливающие вид синтаксической связи), отражающих специфику СП на фоне СПП и ПП.

Основные описанные типы СП и их варианты могут быть расположены по степени слитности между пограничными для них уровнями СПП и ПП следующим образом.

1. Ближе всего к уровню СПП стоят СП двучленной структуры (семантического способа образования) с интонационной связью. Синтаксическая слитность частей в этих СП обеспечивается интонацией и смысловыми отношениями, которые формируются лексическим наполнением частей.

В пределах этой группы СП самая свободная связь между частями устанавливается в предложениях, возникших на базе отношения исключения:

Шли третьи сутки пути, в ожидании событий литературный поезд томился. (СП с сочинительными отношениями, т.к. части имеют свободное взаиморасположение).

Козлевич двинулся бы по асфальту, шоферы любят хорошие дороги. (СП с подчинительными отношениями – СП имеет гибкую структуру: *Козлевич (шоферы любят хорошие дороги) двинулся бы по асфальту*).

Дверь распахнулась, в комнату проник Паниковский. (СП с соподчинением частей – части имеют фиксированное расположение).

В СП с лексическими отношениями включения и пересечения интонационная синтаксическая связь поддерживается показателями соотношения лексических составов:

Вы мелкий жулик, я понял **это** сразу. Остап вскоре понял **вот что**: так жить нельзя. (СП на базе лексического включения)

Не я на него **нападаю**, он на меня **нападает**. (СП на базе лексического пересечения)

Между СП первой степени слитности интонация и смысловые отношения, формируемые лексическим наполнением частей, могут устанавливать и сочинительные, и подчинительные, и взаимоподчинительные синтаксические связи. Это позволяет выстроить вертикальный ряд СП по степени слитности внутри описываемой группы.

Вторая степень слитности принадлежит СП двучленной структуры (семантического способа образования) с союзной связью. Именно союзы в СП этой группы устанавливают синтаксические отношения между частями, в то время как их структура (как и в СП первой степени слитности) направлена на противопоставление частей. Синтаксическая связь, обусловленная наличием семантических союзов представляет собой связь более сильную, чем связь чисто интонационная или смысловая, обусловленная лексическим наполнением частей.

2. II степенью слитности характеризуются СП двучленной структуры (семантического способа образования) с союзной связью. Именно союзы устанавливают в СП этой группы синтаксические отношения между частями, в то время как их структура (как в СП I степени слитности) направлена на противопоставление частей. Синтаксическая связь, обусловленная наличием семантических союзов представляет собой связь более сильную, чем связь чисто интонационная.

Самая свободная синтаксическая связь в пределах СП этой группы устанавливается в конструкциях, образованных на базе лексического исключения:

Засияли широкие стекла мягких вагонов, **и** под самым носом антилоповцев пронеслись букеты и винные бутылки вагона-ресторана (сочинение).

Эта дивная птица гуляет, **а** я стою (сочинение).

Великий комбинатор провел пятнадцать ночей в разных поездах, переезжая из города в город, **потому что** номеров нигде не было (подчинение).

Ничего нового на свете не произойдет, **так что** вы напрасно кипятитесь насчет новой жизни (подчинение).

Пока он взбегал на холм, фигура Паниковского исчезла (подчинение).

Если не считать пятидесяти тысяч Бологанова, **то** миллион был на месте (взаимное подчинение).

Не успел Бендер закончить свой туалет, **как** в купе явился тучный писатель в мягкой курточке (взаимное подчинение).

В СП с лексическими отношениями включения и пересечения союзная синтаксическая связь поддерживается показателями типа соотношения лексических составов (см. примеры на с. 66).

Между частями СП второй степени слитности семантические союзы могут устанавливать все виды синтаксической зависимости, что также позволяет расположить СП и этой группы в ряд по возрастающей степени слитности.

3. К СП третьей степени слитности следует отнести тип СП с двучленной структурой, где в качестве средства связи используется показатель лексических отношений включения ВМ⁷:

Там он выучится читать и писать, **что** в его возрасте совершенно необходимо (подчинение).

Братья поняли: за поездом им не угнаться (взаимное подчинение).

Синтаксическая связь, которую устанавливает в СП этой группы ВМ (вместе с интонацией, всегда актуализированной), может быть приравнено по силе к союзной (во всяком случае, у нас нет критериев утверждать что-либо другое). Отнесение же этих СП к третьей степени слитности обусловлено тем, что синтаксическая связь между частями обеспечивается не служебными, а самостоятельными частями речи (местоимениями). Кроме того, в СП этой группы не встречается конструкций с сочинительной связью. Это всегда структуры с подчинением (однонаправленным или взаимонаправленным).

4. Следующая, четвертая, степень слитности характеризует СП одночленной структуры (синтаксический способ образования) с ВМ в главной части, а именно СП со структурами ... **понял то, что...**; ... **тот дом, который...** и ... **поймет тот, кто захочет...**:

Великий комбинатор и не отрицал того, что он профессионал пера.

В моторе слышалось такое хрипение, как будто бы под желтым капотом кого-то душили.

Сейчас я вам продиктую любой из полтораста тех самогонов, рецепты которых мне известны.

Вот когда он будет говорить насчет смысла жизни, тогда и переводите.

Степень слитности в этой группе СП обеспечивается прежде всего одночленностью структуры, уподобляющей строение СП строению ПП: т.е. устанавливающей синтаксические подчинительные отношения между словом из главной части и придаточной частью в целом. Но в данном случае слитность структуры ослаблена наличием ВМ в главном предложении: ВМ и в трансформированном виде сохраняет свой статус показателя лексических отношений и в одночленной структуре работает не на сближение, а на смысловое расчленение частей (что подтверждается и ограниченной гибкостью структур у СП этой группы).

5. К СП пятой степени слитности относятся СП одночленной структуры без ВМ в главной части, т.е. СП со структурами ...понял, что...;... дом, который...;... поймет, кто захочет...:

*Остал позвонил и **потребовал, чтобы** телеграмма была отправлена немедленно молнией.*

*Американцы выбрали пшеничный **самогон, который** привлек их простотой выработки.*

*Я **знаю, что** вы намерены мне сказать.*

Степень слитности в этих СП определяется одночленной структурой, которая в этих СП не ослабляется ни одним из факторов: это СП самой сильной синтаксической подчинительной связи между частями из всех возможных в СП вариантов.

6. К последней, шестой степени слитности, отнесены СП со слитными структурами – конструкции, которые являются переходными между СП с отчетливо выделяемыми частями и ПП. Они чрезвычайно разнообразны по строению, и их описание не входит в задачу этой статьи. Приведем лишь несколько примеров подобных СП:

Старик в пасхальных брюках разозлился, но паузы между фразами не уменьшил.

Вы заходите с левой стороны, а я – с правой.

Вы выглядите лучше, чем я.

Я не нашел, что ответить.

Основываясь на перечне основных функционально-конструктивных типов СП, можно решить вопрос о семантической парадигме каждого отдельно взятого СПП с теми или иными отношениями лексических составов и с теми или иными имплицитно выраженными межсмысловыми отношениями. Например, СПП *Овес вдруг прорастет. Ваша картина заколосится.* допускает образование следующего количества СП с

различной степенью слитности частей и с различной степенью выраженности межсмысловых отношений:

I. СП семантических способов образования на базе лексического исключения:

а) интонационное нивелирование слабо выраженных отношений «причина – следствие»:

Овес вдруг прорастет, ваша картина заколосится.

б) интонационное выделение причинно-следственных отношений с актуализацией значения следствия:

Овес вдруг прорастет – ваша картина заколосится.

в) интонационное выделение причинно-следственных отношений с актуализацией значения причины:

Ваша картина заколосится: овес вдруг прорастет.

Актуализация различных аспектов межсмысловых отношений с помощью союзов:

*Овес вдруг прорастет, **и** ваша картина заколосится.*

*Овес вдруг прорастет, **так что** ваша картина заколосится.*

***Если** овес вдруг прорастет, **то** ваша картина заколосится.*

*Ваша картина заколосится, **потому что** овес прорастет.*

Исходное сочетание ПП содержит в себе также потенциальные, не выраженные лексически, отношения включения, которые можно выявить и тем самым перевести СПП из отношений исключения в отношения включения:

Овес вдруг прорастет. Поэтому (в результате этого) картина ваша заколосится.

II. СП семантических способов образования на базе лексического включения:

Овес вдруг прорастет, в результате чего (отчего, почему) картина ваша заколосится.

Картина ваша заколосится вот отчего: овес прорастет.

III. СП синтаксического способа образования на базе включения:

Картина ваша заколосится оттого, что овес прорастет.

Выводы

В данной статье основные положения диссертации дополнены и углублены. Наиболее существенными результатами своей работы автор считает:

1. Построение классификации СП, в которой впервые сделана попытка объединить на единых основаниях все три традиционно выделяемых основных класса СП: сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные СП. В качестве такого основания выдвинуто понятие слитности частей СП, которое регулируется взаимодействием трех факторов, характеризующих любое СП. К этим факторам относятся: способ образования, тип соотношения лексических составов и синтаксическая зависимость, устанавливаемая в СП различными средствами связи.

2. Создание такой классификации, в самом построении которой отражается двуединая сущность СП, обусловленная его одновременной связью как с СПП, так и с ПП: а именно членимость и единство СП как в конструктивном, так и в коммуникативном плане. При этом в выделенных классах СП нет и самого разделения этих планов. Поэтому основные конструктивные типы СП одновременно являются и основными функциональными его типами:

Именно СП первого и второго типа (СП с чисто интонационной связью между частями на базе лексических отношений исключения и СП с семантическими союзами между частями на базе всех типов соотношения лексических составов) – это СП, конструкции которых предоставляют максимальную свободу для выражения с различной степенью ясности смысловых отношений, формируемых лексическим наполнением частей. Все остальные типы СП служат для выражения с различной степенью ясности смысловых отношений, формируемых типом соотношения лексических составов (отношений включения и пересечения). В классификации удалось учесть основные смысловые отношения, не вдаваясь в их дробление по семантическим тонам и оттенкам в основных типах СП.

3. Расширение списка средств, устанавливающих синтаксические отношения зависимости в СП. В работе проводится идея, что в СП формальные показатели смысловой зависимости (интонация, показатели типа соотношения лексических составов и возможности взаиморасположения частей как показатель смысловых отношений, формируемых их лексическим наполнением) становятся показателями синтаксической зависимости в случае отсутствия союзов и союзных слов, влияющих на грамматическую форму ПП объединяющихся в СП. Синтаксическая связь, которую устанавливают в СП показатели смысловой зависимости является более слабой, чем связь

обусловленная зависимой грамматической формой частей, но в составе СП это все же связь синтаксическая. Это утверждение доказывается путем сопоставления формы СПП с формой СП в целом, а не путем сопоставления компонентов СПП с частями СП. СПП с подчинительными смысловыми отношениями, приобретая статус СП становятся или СП с синтаксическими подчинительными отношениями, имеющими гибкую структуру, или СП с взаимным синтаксическим подчинением частей, имеющими жесткую структуру, не допускающую ни перестановки частей, ни изменения интонационного оформления без разрушения общего смысла СП.

4. Построение такой системы типов СП, в которой естественное место себе находят не только бессоюзные СП, но и такие проблемные конструкции, как местоименно-соотносительные, присоединительные, детерминантные СП, а также слитные предложения и предложения с вводными предложениями.

Примечания

- 1 Трансформация СП в СПП и наоборот осуществлялась в соответствии с общими правилами трансформационного метода исследования [Апресян 1966, с. 153-158]. См. также более подробное описание в [Флоренская 1980, с. 38-43, 76-77]
- 2 Большая часть примеров, используемых в работе, заимствована из романа И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок».
- 3 Изменение семантических отношений между частями СП в зависимости от интонации неоднократно отмечено у [Гвоздев 1968, с. 202-236]
- 4 В данной статье мы не приводим при описании классов СП ни классификации семантических союзов, ни семантической классификации СП. Задача этой статьи – продемонстрировать основные конструктивные типы СП и их варианты.
- 5 Полным повтором мы будем называть повторы, где его члены занимают в обеих частях СП одинаковые синтаксические позиции: подлежащее – подлежащее, дополнение – дополнение и т.д.
- 6 В статье система описана в обобщенном виде: каждый из описанных типов и их вариантов разворачивается в своей системе семантических подвариантов.
- 7 Кроме первых двух вариантов СП этого типа, которые отнесены к СП первой степени слитности.

Литература

- Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики М.: Просвещение, 1966.
- Бархударов С.Г., Колшанский Г.В. К проблеме структуры сложного предложения // Сборник статей по языкознанию. М., 1958.
- Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой; Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 606-903.
- Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. М.-Л.: 1935.
- Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.
- Булдина М.С. К вопросу о сложном предложении // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973.
- Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
- Валимова Г.В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1967.
- Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч.2. М.: Просвещение, 1968.
- Ильенко С.Г. Сложное предложение в системе синтаксических единиц современного русского литературного языка // Ильенко С.Г. Русистика: Избр. труды. СПб.: Изд. РГГУ, 2003. С. 326-341.
- Карцевский С.О. Бессоюбие и подчинение в русском языке // Карцевский С.О. Из лингвистического наследия. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 71-85.
- Кручинина И.Н. Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения // Вопросы языкознания. 1973. №2.
- Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1977.
- Пешковский А.М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений // Избранные труды. М.: Просвещение, 1959. С. 131-146.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки рус. культуры, 2001.
- Поспелов Н.С. О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. С. 321-337.
- Перспектив «Русской грамматики». М.: Наука, 1972.
- Флоренская Э.А. Опыт функционального описания сложного предложения // Вопросы грамматики. Тарту, 1974.
- Флоренская Э.А. Дихотомия сочинения/подчинения в сложном предложении // Русская филология. Вып. 4. Тарту, 1975. С. 173-191.
- Флоренская Э.А. Проблемы парадигматики сложного предложения // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 398: Труды по русской и славянской филологии, 27. Тарту, 1977а. С. 155-191. (Сер. лингвистическая).
- Флоренская Э.А. К построению классификации сложного предложения // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 425. Труды по рус-

*Степень слитности частей как общее основание единой
классификации сложных предложений*

ской и славянской филологии, 29. Тарту, 19776. С. 46-60. (Сер.
лингвистическая).

Флоренская Э.А. Типы структурно-семантических отношений между
частями сложного предложения в современном русском языке:
Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980.

Флоренская Э.А. Сложное предложение как сисема отношений // 100
лет Р.О.Якобсону: Материалы международного конгресса. М.:
РГГУ, 1996. С. 110-111.

Шелякин М.А. Русский язык. Таллин, 2002.

Теорема как вид текста

I. Понятность

0. Введение

0.1. Центр и периферия

Приступая к анализу текстов, написанных на естественном языке или изложенных на языке формальном, а также описывая крупные предметные области (науки, техники, искусства и пр.), исследователь так или иначе сталкивается с необходимостью их предварительной классификации. И всякий раз на верхнем уровне классификационной сетки оказывается деление текстов и предметных областей на **центральные** и **периферийные**, или, как чаще говорят, на **центр** и **периферию**. С самого начала важно, однако, осознавать, что деление любого множества текстов или любой предметной области на центр и периферию всегда условно, – то, что является центром для какой-либо одной решаемой практически задачи или для некоторой обсуждаемой теоретической проблемы, может вполне быть периферией для другой. Например, паралингвистика как наука, изучающая то, что по традиции относится к параязыку, то есть исследующая звуковые коды, дополнительные к речевому, но включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в нем смысловую информацию, является периферийной по отношению к науке о языке – лингвистике. Вместе с тем паралингвистика несомненно является центральной в отношении других разделов комплексной науки невербальной семиотики. Да и в самой паралингвистике, как и в любой другой науке, тоже по традиции выделяются центральные и периферийные объекты изучения. В центр паралингвистики входят, в частности, (а) отдельные неречевые звуки, исходящие из ротовой и носовой полостей человека; (б) звуковые комплексы, возникающие в разного типа физиологических реакциях и приобретающие в акте коммуникации особые контекстные значения; ср. хмыканье, плевки, плач, крик, рыдание, свист и др.; (в) голос и его постоянные признаки и (г) параязыковые просодические элементы, то есть элементы **параязыковой просодики** (например, эмоциональное акцент-

ное выделение слогов и более крупных фрагментов речевого потока, темп речевой реализации фраз при беглой речи или при скандировании, продолжительность пауз между фонетическими синтагмами и пр.). А к объектам, составляющим периферию паралингвистической системы, относятся (а) звуки природы и звуки различных механизмов, часто приобретающие символическое значение и играющие не последнюю роль в человеческой коммуникации, (б) звуки и звуковые последовательности, возникающие во время движений или действий человека с какими-то природными объектами или артефактами (например, звуки аплодисментов или стук в дверь при входе в дом), а также (в) звуки, возникающие от контакта человека с человеческим телом – либо со своим собственным, либо с чужим (см. об этом подробно в [Крейдлин 2002, с. 27 – 28]). Если же, однако, мы рассмотрим паралингвистику в ее отношении к кинесике (науке о жестовых знаках и систем знаков), то уже относительно предмета интересов кинесики лингвистический и семиотический анализ звуков, возникающих во время человеческих движений и действий, безусловно, попадает в самый центр системы.

0.2. Теоремы и их формулировки

Во множестве текстов на естественном языке формулировки теорем, обычно называемые просто *теоремами*, составляют, конечно, периферийную область, но уже в подъязыке математики, точнее, в кругу разнообразных математических текстов формулировки теорем составляют центр, и даже самое ядро этого центра. Именно поэтому в центр внимания авторов настоящей работы, один из которых профессиональный математик, а другой – профессиональный лингвист, попали тексты математических теорем. Для нас самих было удивительно, что эти краткие и, казалось бы, узкопрофессиональные, тексты могут представлять интерес для нас обоих.

В настоящей работе мы ограничились изучением именно **формулировок** теорем, оставляя анализ текстов их доказательств на будущее. При этом мы будем рассматривать как формулировки теорем «школьной» математики, так и формулировки, бытующие в профессиональной математической среде.

0.3. Две точки зрения на понятие теоремы

Существуют по крайней мере два типа представлений людей о том, что такое теорема. Одно мы условно назовем <про-

фессионально-> математическим представлением, а другое – **бытовым**, или **школьным**, причем первое отличается от второго сразу в нескольких отношениях.

Профессиональные математики под словом теорема всегда имеют в виду истинное утверждение, кем-то уже сформулированное, доказанное (= научно обоснованное) и представленное математической общественности. Так, для признания теоремой утверждения, именуемого последней теоремой Ферма, математикам недостаточно одной только констатации Пьера Ферма «Я владею поистине удивительным доказательством этой теоремы, но поля этой книги слишком узки, чтобы его вместить».

С точки зрения математика-профессионала, доказать теорему можно лишь однажды. Фраза *Петя доказал основную теорему алгебры* вызывает у математика возражение: *Нет, эту теорему доказал Гаусс*. Это означает, что словосочетание *доказать теорему* в подъязыке профессиональных математиков имеет иной смысл, чем в школьном: учитель вполне может сказать *Иванова доказала теорему синусов, и я поставил ей «отлично»*. Дело в том, что под словами *доказала теорему* учитель имеет в виду воспроизведение некоторого известного доказательства, тогда как для профессионального математика *доказать теорему* – это все равно, что открыть Америку. В случае, если кто-либо предложит более красивое, короткое или ясное доказательство уже известной теоремы, математики скажут, что *найденное новое доказательство*. В бытовом языке мы встречаем языковые конструкции, которые профессионал сочтет нелепыми, странными или вовсе невозможными: *докажите или опровергните следующую теорему, эта теорема неверна* и т.п. Для обычного же носителя языка они вполне приемлемы, однако означают другое, а именно 'воспроизведите известное доказательство', 'опровергните данное утверждение', 'это утверждение ложно' и т.п. Таким образом, в языке профессионального математика в слове *теорема* содержится презумпция истинности, каковой нет в обычном языке.

В понимании математиков теорема как вид текста противопоставлена, например, задаче, ответ которой неизвестен. Для профессионалов, тем самым, теоремы – это тексты в модуле утверждения, причем всегда истинного, а задачи – тексты с вопросительной модальностью. Если бы мы строили классификацию текстов по их модальности (заметим, что нам такая классификация представляется не только возможной, но и вполне содержательной с разных точек зрения), то теорема

и задача попали бы в разные классы. Задача была бы в одном классе, например, с басней (а ответ на задачу – с моралью) или с загадкой (а ответ на задачу – с разгадкой), а теорема в другом – в одном классе, например с любым аналитическим суждением, заповедью или половицей.

И еще одно. В представлении математиков-профессионалов теорема имеет совершенно иное коммуникативное назначение, чем в представлении непрофессионалов. Теорема для математиков является фактом культуры; сформулировав, доказав и опубликовав теорему, математик помещает ее текст в культурный фонд. Кроме того, теорема как текст, содержащий новую информацию, нуждается в распространении в некотором сообществе, то есть является потенциальным носителем информативной функции и единицей коммуникации в этом сообществе. Для людей, которые не занимаются научной математической деятельностью, теорема имеет несколько иное назначение, а именно содержание теоремы является единицей знания, которым общество уже овладело, а теорема представляет собой учебный текст, направленный на распространение этого знания и овладение им.

0.4. Постановка задачи

В настоящей работе мы хотим представить и обсудить лингвистический и математический подходы к понятию теоремы, а именно описать наиболее важные свойства теорем и особенности функционирования этого вида текстов. Мы рассматриваем здесь только одно имманентное свойство теоремы – ее **понятность**. Нашей целью, в частности, является объяснение того, какие из эквивалентных формулировок теорем и почему нам более понятны.

1. Понятность как свойство теоремы

1.1. Синонимичные формулировки теорем и проблема выбора

Выбор некоторого представителя (или нескольких представителей) по какому-то заранее устанавливаемому признаку из класса эквивалентных утверждений является, по всей видимости, задачей, которую так или иначе решают исследователи самых разных предметных областей.

Решалась она и для класса теорем, точнее, для их глубинных структур, см., например, работы группы Е.В. Падучевой

(Падучева 1974 и Корельская 1975), в которых семантика русских синтаксических единиц языка теорем школьной планиметрии, описывалась путем их толкования в терминах синтаксически более простых единиц уровня глубинных структур. Основными инструментами описания в этих работах были формальные преобразования (трансформации), вводящие при синтезе или элиминирующие при анализе толкуемые синтаксические лексемы и конструкции. Каждое преобразование определяет смысл синтаксической единицы либо через исходные единицы языка глубинных структур, либо через посредство единиц, вводимых (или удаляемых) трансформациями на предшествующем этапе синтеза (или анализа). В рамках такой трансформационной модели русского синтаксиса одно и то же однозначное предложение может иметь и обычно имеет несколько разных («S-синонимичных», в терминологии Е.В.Падучевой; см. [Падучева 1974, с. 75 – 77]), глубинных структур, переводящихся одна в другую особыми преобразованиями. Поэтому на трансформационном пути, например, синтеза русского предложения с толкуемой единицей из глубинной структуры, встает следующая задача: предложить какой-то критерий (или несколько критериев) выделения одной из S-синонимичных структур в качестве представителя класса. Такая структура предстает в качестве базовой, а затем подается на вход алгоритма синтеза синтаксического представления теоремы из глубинного, ср. критерий, рассматриваемый в книге Корельская 1975: «При описании синтаксических преобразований из всех S-синонимичных глубинных структур выбирается та, в применении к которой данная трансформация имеет наиболее простую формулировку» (с. 21).

1.2. Понятность языка и понятность текста

При обсуждении свойства понятности следует с самого начала разграничить два парных концепта: **понятность языка <на котором формулируется теорема>** и **понятность текста <теоремы>**.

О понятности языка мы обычно говорим только в случаях, когда у нас есть возможность выбора языка или языков для выражения и передачи нужных смыслов. Ситуация, когда требуется это сделать для формулировок теорем (например, в целях наиболее успешного преподавания математики), выглядит гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Причина состоит в том, языки для выражения нужных смыслов могут быть очень разными по своему устройству и содер-

жанию. Так, одни люди привыкли мыслить образами и для них более понятным будет язык чертежей, рисунков, схем, графиков и т.п.; другие плохо воспринимают – часто, к сожалению, действительно лексически не однозначный и сложный по своей логической или грамматической структуре – текст теоремы на естественном языке. Поэтому всякий раз при необходимости и возможности они стараются перевести формулировку на другой, скажем, формально-логический язык, где могут найтись формальные средства разрешения неоднозначности и прозрачные способы представления синтаксической, семантической и иной структуры. Кроме того, выбор конкретного языка для описания текстов, как давно известно, тоже оказывает самое непосредственное влияние на концептуализацию и репрезентацию внешнего мира и его объектов: ведь данный язык всегда высвечивает только какие-то одни стороны описываемого объекта и фокусирует внимание только на каких-то одних его свойствах, затеняя или попросту игнорируя другие.

Концепт понятности языка мы надеемся проанализировать в отдельной работе, а сейчас остановимся на парном концепте, отражающем одно из самых важных свойств текста теоремы, а именно на свойстве его понятности.

Одни тексты понимаются легко, другие интерпретируются с трудом, а третьи вообще отбрасываются в сторону и квалифицируются как непонятные. Понятность текста, отметим сразу, представляет собой концепт, плохо поддающийся формализации, если вообще формализуем полностью. И это несмотря на то, что понятность текста, как известно, зависит не только от его семантического наполнения, но и от внутренней – структурной и формально-логической – организации, выраженной собственно языковыми средствами.

1.3. Основные положения

Одним из аспектов структурной организации текста является его дедуктивная правильность – понятие, анализ которого составил основное содержание статьи Крейдлин, Поливанова 1988. В ней авторы выдвинули ряд исходных эвристических положений (с. 191 – 193), по крайней мере два из которых могут быть без особых изменений перенесены и сюда.

Речь идет о следующих тезисах:

1. Понимание текста теоремы базируется на интеллектуальных процедурах, аналогичных тем, что обеспечивают порождение нового знания, то есть **понимание текста требует креативных усилий**.

2. Анализ процесса восприятия человеком естественно-языкового текста, предполагает всестороннее изучение концепта понятности текста. См.: «Некоторые тексты мы хорошо понимаем потому, что «сочувствуем содержанию» (ср. бестолковое объяснение известного маршрута), но некоторые тексты мы хорошо понимаем, несмотря на то, что не имеем возможности «угадать содержание» (ср. толковое объяснение маршрута, пролегающего по неизвестной местности)» (Крейдлин, Поливанова 1988, с. 192).

К этим двум положениям мы считаем необходимым добавить по меньшей мере четыре:

3. Понятность текста теоремы в значительной мере обеспечивается однозначностью формирующих его логических и языковых, прежде всего лексических, синтаксических, а в устном тексте и интонационных, средств, а также однозначностью способов и результатов их синтеза и анализа. Например, использование в приводимом ниже математическом тексте (1) одного только глагола называется, а не глаголов является, есть и т.п. (возможно, в данном конкретном случае и контекстно-синонимичных ему), позволяет увеличить степень понятности сказанного за счет однозначности отнесения данного текста к письменному речевому жанру математических определений. Употребление в тексте глаголов является или есть на месте называется сделало бы неопределенной жанровую рубрикацию данного текста, не способствующую пониманию.

(1) *Параллелограммом называется выпуклый четырехугольник, противоположные стороны которого параллельны.*

Предложение (1) – это известное всем со школьной скамьи определение параллелограмма. Замена в нем глагола называется на является делает отнесение результирующего текста к классу математических определений явно затруднительным, если вообще допустимым. Для понимания сути происходящего и возможного активного участия в разворачивающемся далее математическом диалоге нам понадобилось бы дополнительно затрачивать креативные усилия – ведь в этом случае приходится устанавливать, что так было сформулировано именно определение параллелограмма (а не теорема о его свойствах), то есть производить нетривиальные интеллектуальные операции.

Замечание. Описываемая ситуация напоминает ту, с которой приходится сталкиваться человеку, услышавшему на улице обращенный к нему вопрос *У вас есть спички?* Он вы-

числяет, что это не «настоящий» вопрос о наличии у него спичек, а вопрос косвенный, интерпретируемый им как просьба дать спрашивающему спички, если они у адресата есть. В обоих случаях имеет место подмена жанра текста.

Напротив, если мы обратимся к предложению (2) *Параллелограмм является прямоугольником, если его диагонали равны между собой*,

то скорее сочтем его теоремой, а не определением прямоугольника. И если бы мы заменили в этом предложении глагол *является* на глагол *называется* и произвели все необходимые последующие лексические и синтаксические трансформации, то получили бы хотя и математически корректное, но запутывающее высказывание, поскольку оно бы прочитывалось и интерпретировалось как текст определения прямоугольника.

4. На множестве синонимичных текстов **одного жанра** (в нашем случае – теорем) тоже могут быть заданы самые разнообразные отношения типа «центр – периферия», ср. часто встречающиеся в литературе термины *исходные* и *производные*, *первичные* и *вторичные*, *базовые* и *трансформированные* (так говорят о сочетаниях, предложениях, представлениях, толкованиях, структурах, категориях, правилах и т.п.), выражающие эти отношения. В частности, **можно считать, что центр множества теорем образуют тексты, в максимальной степени понятные адресату.**

Замечание. На пути к наибольшей понятности формулировки теорем иногда проходят долгий путь эволюции. Например, исходная формулировка классической теоремы Гильберта ¹о нулях (из раздела математики, называемого **коммутативной алгеброй**) была такова: Пусть f, f_1, \dots, f_n – многочлены от одного и того же множества переменных над алгебраически замкнутым полем. Тогда, если f обращается в ноль на всех решениях системы $f_1 = \dots = f_n = 0$, то некоторая степень многочлена f принадлежит идеалу, порожденному многочленами f_1, \dots, f_n . (Иначе: Если f обращается в ноль на всех решениях системы $f_1 = \dots = f_n = 0$, то найдутся такое натуральное число N и такие многочлены a_1, \dots, a_n , что выполняется тождество $f^N = a_1 f_1 + \dots + a_n f_n$). Переформулировка той же теоремы: В спектре конечнопорожденной алгебры над алгебраически замкнутым полем множество замкнутых точек плотно в топологии Зарисского, принадлежащая **алгебраической геометрии** двадцатого века, представляется её адресату, математику-профессионалу, гораздо более короткой и понятной, хотя, конечно, эквивалентность последней формулировки и

исходной является нетривиальным математическим фактом, понимание которого требует введения и освоения целого ряда понятий и терминов.

Подобное задание центра представляется нам особенно уместным применительно к тем жанрам и типам текстов, которые играют ведущую роль в обучении. Малопонятные тексты плохо запоминаются, а потому продуктивность обучения и изучения непонятных текстов, как убедительно показывает весь мировой педагогический опыт, крайне низкая.

Вопрос о свойстве понятности применительно к текстам одного жанра, в частности к интересующим нас математическим теоремам, можно переформулировать так: какая из формулировок теоремы во множестве логически эквивалентных и синонимичных формулировок является самой понятной, а потому наилучшей? Задача эта в отношении текстов теорем осложняется тем, что, помимо естественного языка, как мы уже говорили выше, существуют много других семиотических кодов, или языков, на которых математики привыкли писать, читать и произносить соответствующие тексты. Выбор наиболее понятной формулировки (или нескольких наиболее понятных формулировок теоремы на разных языках) можно мыслить, таким образом, происходящим в два этапа. Сначала из ряда возможных языков или кодов выбираются те, которые признаются самыми понятными (см. выше о концепте **ПОНЯТНОСТЬ ЯЗЫКА**), а затем ищутся наиболее понятные из синонимических формулировок, опирающихся исключительно на лексику и синтаксис выбранного языка или кода.

«Внешний» мир математики, как он представлен в отдельных своих фрагментах, выраженных формулировками теорем, оказывается, тем самым, необходимо включенным во «внутренний» мир языков. А поскольку таких языков заведомо больше одного, встают важные проблемы взаимодействия и переводимости с одного из них на другой.

Наконец, мы выдвигаем следующие, быть может, наиболее важные для нас тезисы:

5. Понятность текста теоремы непосредственно связана с проблемой легкости и качества перевода с одного языка возможной ее формулировки на другой. А именно, **более понятные тексты при условии одинакового владения языками формулировок теорем переводятся их носителями с языка на язык легче и качественнее.**

6. Наоборот, **если человек переводит текст формули-**

ровки одной теоремы быстрее и лучше, чем другой, то можно полагать, что первая теорема ему понятнее, чем вторая.

Обоснование предложенных тезисов, наряду с обсуждением ряда других существенных свойств теорем, можно найти в готовящейся к печати работе [Крейдлин, Шабат 2008].

2. Заключение

Настоящая работа представляет собой первую совместную попытку лингвиста и математика взглянуть на тексты формулировок теорем с разных точек зрения. Из множества свойств, которым удовлетворяют эти тексты, мы выделили и рассмотрели только одно – свойство **понятности**, связав его со свойством **переводимости**. Наряду с ними теоремы обладают рядом других существенных свойств.

Во-первых, это – **формализуемость <теоремы>**, под которой подразумевается возможность алгоритмической обработки теоремы или ее фрагментов с различными математически содержательными целями.

Во-вторых, это – свойство **специализируемости <теоремы>**, под которым имеется в виду возможность рассмотрения частных случаев и примеров формального применения теоремы, вплоть до применения её к непосредственно наблюдаемым математическим объектам.

В-третьих, можно указать на такое свойство, как **запоминаемость <теоремы>**, которое само является и сложным, и малоизученным. Запоминаемость связана с такими плохо исследованными психологическими и языковыми сторонами теоремы, как наличие / отсутствие у теоремы образного и выразительного названия, наглядность, простота и изящество формулировки, богатство ассоциативных связей, наличие удобной мнемоники (в этой связи уместно вспомнить известную мысль Платона о том, что познание есть припоминание) и пр.

Подробному рассмотрению этих и некоторых других свойств теорем мы решили посвятить отдельную работу [Крейдлин, Шабат 2008], о которой уже шла речь выше.

Примечания

¹ Давид Гильберт (1862 – 1943) – выдающийся немецкий математик. Сформулировал в 1902 году 23 так называемые «проблемы

Гильберта», работа над решением которых в значительной степени определила развитие математики в XX веке. Получил выдающиеся результаты в теории инвариантов и алгебраической теории чисел; является основателем коммутативной алгебры, гомологической алгебры и функционального анализа. Внес неоценимый вклад в основания математики и в философские проблемы математики.

Литература

- Корельская Т.Д. О формальном описании синтаксической синонимии. М.: Наука, 1975.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Крейдлин Г.Е., Поливанова А.К. Дедуктивная правильность текста // *Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования*. М.: Наука, 1988, С. 191 – 213.
- Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б. Теоремы и их свойства. М., 2008 (готовится к печати).
- Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974.